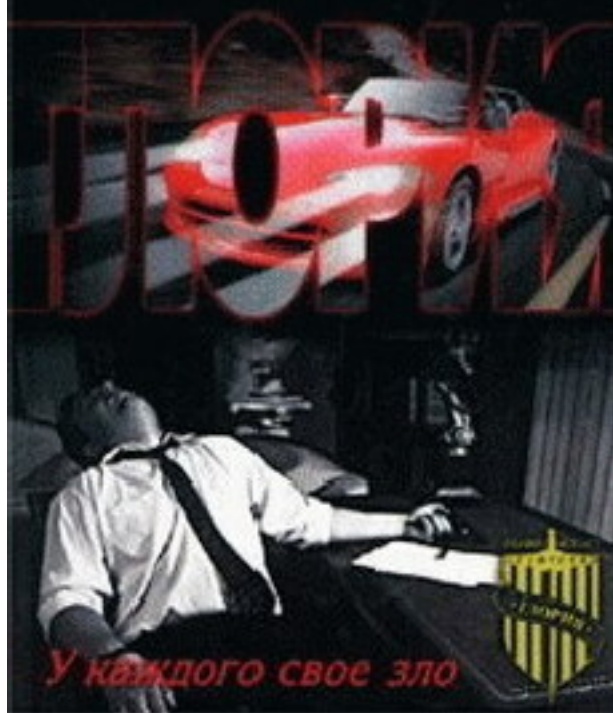


# Фридрих НЕЗНАНСКИЙ



*У каждого свое зло*

Агентство «Глория»

Фридрих Незнанский  
**У каждого свое зло**

«Автор»

## **Незнанский Ф. Е.**

У каждого свое зло / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,  
— (Агентство «Глория»)

...Эта московская квартира, внешне ничем не примечательная, оказалась настоящей «лавкой чудес». Здесь можно было найти ВСЕ – и бесследно исчезнувшие средневековые гравюры, и считавшиеся утраченными уникальные картины, и – КНИГИ. Книги, очень дорогие, которые едва не стоили старенькому антиквару жизни... Милиция отказывается верить подозрениям вздорного старика. И тогда заместитель Генпрокурора Меркулов приступает к собственному расследованию – расследованию, которое начинается с вполне невинных вопросов – и продолжается вопросами все более странными и опасными...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

# Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	54

# Фридрих Евсеевич Незнанский

## У каждого свое зло

### Глава 1

Она позвонила в хорошо уже знакомую дверь, постояла немного в нервном ожидании. Все предыдущие разы на звонок выходила ухаживающая за больным стариком соседка по лестничной клетке – дневала и ночевала здесь, видно, боялась свой кусок наследства упустить, когда дед будет сандалиии отбрасывать. Но дверь против обычного не открылась сразу – Алла успела даже подумать, не один ли сегодня старик вообще. Небось провалился в сон – после ее укулов ему только и остается, что дремать с утра до вечера, – а тут она. Алла живо представила, как сейчас старик, кляня визитера, с трудом поворачивается на правый бок, как, скрипя всеми ревматическими суставами, спускает ноги с постели, со своей роскошной екатерининской кровати под балдахин (сдуреть можно, какая кровать у старого маразматика!), и сует их в растоптанные тапочки, – одинокий старик, он и есть одинокий старик, хоть и живет среди антикварной роскоши, как в музее. И комнатка-то небольшая, а картин в ней! Особенно поражала ее воображение одна – она почему-то казалась ей самой дорогой – огромная, под стать кровати, в тяжелой золотой раме. Какие-то солдаты, наполеоновские, что ли, вышли строем из-за бугра, за которым видна какая-то не наша речушка, черепичная деревня, мельница, коровы на далеком лугу. Солдаты в синих с красным мундирах, у всех белые кожаные перевязи через грудь, большие ружья со штыками, стоят плотно, плечом к плечу, а сбоку – генерал в эполетах, рука со стиснутой в ней белой перчаткой сейчас пойдет вверх. Все в ожидании врага, может быть, даже нашего Кутузова. Сейчас генерал отдаст команду – и вперед, в атаку! Другие картины у старика поменьше, есть просто рисуночки – карандашиком, перышком, она такие рядом с солдатами и вешать бы не стала. Хотя, странное дело, одну из этих маленьких картинок она даже как будто видела где-то: какой-то молодой человек с усиками, из дворян, наверное, в горской папахе и бурке... Но главное в этой квартирке у старика – книги. Как можно жить среди такого количества книг? От них здесь воздух сухой, пахнувший бумажной пылью... Мог бы, между прочим, половину продать, а на эти деньги приличной мебелью обзавестись. А то кровать под балдахин, с резными столбиками, а рядом, в смежной комнатке – полки из чуть тронутых морилкой досок, только в середине между ними один путный со стеклянными дверцами шкаф. Да какой – красного дерева, старинный, как кровать. Вот там, в этом шкафу, книги – это да! Тут даже она понимает: в кожаных переплетах, с золотыми обрезами, с застежками, некоторые – сама видела – с шелковыми закладными лентами, свисающими через край...

Услышав наконец за дверью какие-то звуки, она прильнула ухом к ее окрашенной казенной коричневой краской холодной поверхности. «Ни в коем случае не вставайте, Антон Григорьевич!» – неожиданно расслышала она молодой женский голос. – Я сама! И тут же заскребло по металлу, звякнула упавшая цепочка – дверь открывали.

«Это не как ее... не Мария Олеговна, – подумала Алла, машинально поправляя под плащом ворот белого медицинского халата, – это кто-то еще объявился. Видать, кто-то сегодня подменяет...»

На пороге стояла стройная блондинка лет тридцати, и по каким-то неуловимым признакам Алла сразу догадалась, что это – дочка той самой Марии Олеговны, серьезной чистенькой бабки с поджатыми губами. Только та совсем простая, а эта, видать, штучка с фокусом. Мало того, что у нее была ухоженная кожа, а на голове очень недурственная укладочка, на ней еще было великолепное платье от Жана Бенатти («Не слабо, – подумала хорошо разбирающаяся в этой чепухе Алла. – Напаялить среди бела дня такую дорожную шмотку, и для чего – чтобы

горшки за старичком выносить!») да плюс ко всему от нее исходил тонкий аромат диоровских духов... Интересно, где эта жучка вкалывает, что может себе такое позволить? По вечерам на Тверской? Да вроде нет, не похоже... Нет, не похоже, уже уверенно подумала Алла, встретившись с блондинкой глазами. И подумала также, что, пожалуй, ошиблась, дав ей тридцатник – по глазам дамочке как минимум лет на пять побольше...

– Вы медсестра, к Антону Григорьевичу, да? – спросила тем временем «жучка». – Вас, кажется, Алла зовут? Раздевайтесь. – Она показала на вешалку и, дождавшись, когда Алла повесит свой плащ, добавила, пропуская ее в комнату больного: – Проходите, пожалуйста.

– Кто там, Мариша? – слабо спросил больной, не открывая глаз – видно, и впрямь еще не проснулся. – Это не Ярик пришел? Ярик грозился сегодня приехать, я с ним разговаривал утром...

«Ярик – это дедов племянник Ярослав, – догадалась Алла. Раскрывая сумочку, где у нее лежало все необходимое, она еще раз исподволь бросила взгляд на блондинку. – Бухгалтерша, что ли, какая-нибудь? – подумала она мимолетно. – А может, эта... журналистка – ишь, расфуфырилась-то...»

Та, видно, почувствовала ее взгляд, спросила, с видимым сожалением отрываясь от своего блокнота:

– Вам что-нибудь нужно? Может, помочь чем-нибудь?

– Ой, да что вы! – Алла была сама вежливость, хотя про себя подумала: «Только твоей помощи мне и не хватало!» И еще подумала: «Это небось бабка велела ей проследить за мной, не иначе!»

И тут же убедилась, что ошиблась, потому что блондинка Марина вдруг решительно встала со своего диванчика и сказала, не отрывая глаз от бумажек:

– Если я вам не нужна – я лучше пойду на кухню, не буду мешать. А вы, если что – сразу зовите. Хорошо?

– Хорошо, хорошо, – заверила ее Алла, решительно подходя к роскошному лежбищу Антона Григорьевича уже со шприцем в руках.

– Ну, здравствуйте, здравствуйте, Аллочка! – радостно сказал старик, приподнимаясь ей навстречу на локтях; весь сон разом слетел с него – Алла видела, что он действительно рад ей.

– Мне даже неудобно: вы меня вон как встречаете, а я такая на самом деле бяка! – Аллочка делала свое дело и привычно чирикала, как принято у медсестер, когда они не покрывают на больных. – Видите, опять я вас разбудила, Антон Григорьевич! Я бы и рада приезжать к вам попозже, но у меня столько вызовов! И туда надо съездить, и сюда, и все на своих ногах – машин-то нам никто, сами понимаете, не дает...

– Да что вы такое говорите, Аллочка! – Чувствовалось, он рад и ее словам, и ее кокетству, и что он, воспринимая это кокетство как некую необходимую для дела игру, готов ее и понять, и поддержать. – Что значит – вы меня разбудили, если я вам, честное слово, так рад! Вы фея, ей-богу, фея, мой ангел-избавитель, а вы говорите – бяка! Фу, слово-то какое нашло! – Он на мгновение замолчал, прислушиваясь к себе – не рано ли обрадовался, не заломило ли все же где-нибудь.

Да, эта Алла была молодец, честное слово – он даже не почувствовал укола...

– Ну, вот и все, – весело сообщила она, снова пряча шприц и все остальное в специальный несесерчик. – Ждите меня, Антон Григорьевич, завтра, в это же время. Хорошо? Вы уж правда простите меня, что пришлось не вовремя вас сегодня потревожить.

– Да ну что вы, Аллочка, господь с вами! Какая там тревога, какое беспокойство! Вы лучше скажите, только честно, как мои дела, а? – Он даже опять сделал такое движение, словно собирался приподняться ей навстречу.

– Это что вы такое придумали, Антон Григорьевич! – строго остановила больного Алла. – Вам сейчас ни в коем случае двигаться нельзя, пока укольчик не рассосется. Ни вставать

нельзя, ни беспокоиться, – добавила она многозначительно. – А вообще-то зря вы так волнуетесь. Ничего у вас страшного, обычные для вашего возраста ревматические явления. Курс лечения назначен вам вполне своевременно, так что... – Она на секунду задумалась, а потом вдруг предложила: – А давайте-ка я вас послушаю, а? Хотя я, как говорится, всего лишь простая медсестра, тем не менее опыт у меня уже ого-го какой! Со мной иногда даже лечащие врачи советуются...

Она запустила руки в свою вроде и небольшую, но, кажется, совершенно бездонную сумочку и извлекла из нее на этот раз новенький стетоскоп.

– Ну вот, ну вот, – говорила она через полминуты, прикладывая блестящую мембранку к худой старческой груди, – что и требовалось доказать. Шумов лишних никаких нет, сердце работает как часы, Антон Григорьевич, так что вы еще побегайте, побегайте! И запомните: у вас самый тривиальный ревматизм, что в вашем возрасте дело обычное. Конечно, ревматизм штука такая... От него даже митральный клапан может пострадать, но тут уж все от вас зависит. Ну, от вина, женщин и прочих... легкомысленных возбудителей придется, увы, отказаться. – Она рассмеялась, а взгляд ее при этом прокурорски задержался на журнальном столике возле постели. Она взяла стоящую на нем фаянсовую кружку, заглянула внутрь, понюхала. – Шутки шутками, Антон Григорьевич, а вот кофе обязательно следует исключить.

– Кофе – это да... Виноват, Аллочка... Понимаю, что вредно, но, знаете, привык. Другой раз в последнее время так трудно просыпаться... Сегодня, например, открыл глаза, а голова – как не моя. Все в тумане. Да и с памятью не то что-то... А как кофейку крепкого выпью – так вроде и получше... Да я и всего-то чашечку, Алла, неужели мне хотя бы этого нельзя иногда себе позволить?

– Чашечку? – переспросила Алла, тыча пальцем с массивным золотым колечком в сторону поллитровой фаянсовой кружки. – Вот эту бадейку вы называете чашечкой?! Знаете, Антон Григорьевич, я просто обязана буду доложить обо всем вашему лечащему врачу. Думаю, он отменит мои визиты. Какой смысл в наших уколах, если вы так себя ведете? Нам до завершения курса всего ничего, а вы... Или, может, вы хотите в больницу?

– Не приведи господь! – замахал на нее руками больной.

– Ну вот, видите, – мягко сказала Алла, – не хотите. Значит, слушайте меня, и все будет хорошо. Курс завершите – станете как огурчик, хоть жени вас. И ревматизм ваш пройдет – если, конечно, будете слушаться, – снова повторила она, строго сводя брови.

– А вы сами-то замужем, Алла? – как-то не совсем по делу спросил вдруг больной. – Небось учитесь сейчас, врачом хотите стать? Послушайте меня, старика. Выходите вы замуж, пока молодая, свежая, пока охота есть. А опоздаете... Потом, знаете, как-то все это меняется, становится совсем все иначе – на себе проверил... А хотите, я вас познакомлю с одним... кавалером? Сейчас вот придет мой племянник Ярослав... Красивое имя – Ярослав, правда? Думаю, он вам вполне может понравиться...

– Что вы такое опять говорите, Антон Григорьевич! – Алла даже руками всплеснула укоризненно, хотя он видел по ее глазам, что это неожиданное предложение вызвало в ней какой-то интерес – тут его старый наметанный глаз ошибиться не мог: возник, возник интерес. Но она завершила все так же строго: – Давайте не будем говорить о посторонних вещах!

Старик словно не слышал ее.

– Какая же вы красивая, Аллочка... особенно когда сердитесь. – Краснов невинно улыбнулся и словно бы ненароком погладил ее по обнаженному запястью. – Ей-богу, ваша красота лечит меня лучше всяких уколов!

– Ну да, ну да, – засмеялась Алла. – Это вы, наверно, телевизора насмотрелись – там только и слышишь: красота спасет мир, красота спасет мир... Эх, если бы это было так, мы бы и хворей не знали, Антон Григорьевич! – Она деликатно, но твердо отстранилась от его прикосновения. – Вон у вас сколько тут красоты всякой, – повела она освободившейся рукой, –

а вы все равно болеете... У вас тут прямо как в музее. Кровать эта... Картины... На кровати-то, поди, какая-нибудь Екатерина спала?

Антону Григорьевичу, похоже, этот ее интерес к вещам, которые его окружали, был словно елей по сердцу.

– Да нет, – лукаво ответил он, – Екатерина не спала. Вернее, спала Екатерина, да не та. Эта кровать – из городской усадьбы Дашковых, что ли... Да и картины эти... По большей части все это так, бутафория... А вот картинки – маленькие, как моя соседка Марья Олеговна говорит, – это да, это ценность. Вон, видите рисунки? Это Пикассо. Если верить первому владельцу – был, знаете, во время оно один писатель, от которого даже книжек не осталось, – так эти картинки перепали ему за сущие гроши. Дороже всего из того, что висит на этой вот стенке – вы не поверите, – вон та акварелька. Вон, видите, офицер в бурке и папахе. Это, знаете ли, рисунок самого Михаила Юрьевича...

– Какого Михаила Юрьевича? – глупо спросила Алла, глядя на ту самую картинку, которая давеча почему-то показалась ей такой знакомой.

– А Лермонтов, Аллочка. Который «Белеет парус одинокий...» Проходили в школе? «Герой нашего времени», «Мцыри», «Бородино»... Я охотился за одной из первых публикаций «Героя» – по слухам, с пометками аж Николая Первого, а получил вот эту замечательную акварель... Жизнь нашего брата, коллекционера, сложная штука, милая барышня. А вообще-то, чтобы вам было хоть немного понятно, для меня вся эта красота на стенах не стоит и сотой части книжек, что стоят вот здесь, в красном шкафу... Вон, видите, огромная, кожаная? Это Библия Гутенберга – был такой самый-самый первый первопечатник на земном шаре... Ее нашли на развалинах разбомбленного Дрездена – чудом уцелела. Горела во время налета англо-американской авиации, многие страницы в ней сохранились лишь наполовину, на одной из крышек расписался чем-то острым наш солдат – зафиксировал тот факт, что дошел до логова зверя... А все равно этой книге цены нет. И вообще, каждая книга в моей коллекции – целый роман. За каждой – судьбы, трагедии, жизни...

– А мне показалось, – заметила внимательно слушавшая его все это время Алла, – что у вас там, в шкафу, только книжки о птицах...

Старик пытливо посмотрел на нее. Надо же, вроде и ходила-то к нему всего ничего: сделала укол – да и пошла, а вот надо же – сумела что-то и в шкафу разглядеть. Когда? Неужели успела порыться, пока он был в беспамятстве? Вряд ли, конечно же, просто по тиснению на корешках догадалась. Только слепой не сообразил бы... Он успокоился. Нет-нет, он не может вот так, по-стариковски, давать волю подозрительности. Как скупой рыцарь какой-нибудь, честное слово...

– Нет, это не так, хотя, вообще-то, есть в этом заветном шкафу целая полка книг о птицах и о животных. Их еще отец мой, царствие ему небесное, собирал, а я лишь по мере сил дополнил.

– Ой, это, наверное, так интересно – коллекционировать, да? – спросила Алла, глаза ее светились жадным любопытством.

– Это не то слово, – вздохнул Антон Григорьевич. – Для меня книги – вся моя жизнь. Я даже не думал никогда, что это может оказаться такой сильной страстью, которая заменит все: и личную жизнь, да-да, и карьеру, и всякое иное счастье. Видно, во мне эта зараза уже сидела, передалась от отца. Я и всего-то хотел немного продолжить его дело – он, как я уже сказал, всю жизнь собирал редкие книги о птицах и животных... Он, знаете, был из торговой семьи, хоть и инженер, раньше такое бывало, и всю жизнь подражал кому-то – в хорошем, я считаю, смысле. Морозову, например, Мамонтову. Мечтал быть, так сказать, благородным собирателем. А потом, когда все перевернулось, он сделался как бы хранителем их заветов, хотя и время было уже не то, да и средства, сами понимаете. Да и вообще – кому они, казалось бы, нужны, эти книги, когда люди гибнут миллионами... Такой, знаете, был век – сплошные катаклизмы...

Сначала массовая высылка интеллигенции из столиц, потом вообще – тридцать седьмой, потом война, особенно блокада Ленинграда – ах, какие ценности можно было приобретать – вы не поверите! – за краюшку хлеба. За хлеб, за пачку папирос... А вообще, все эти годы знаете кому лучше всего было бы коллекционировать антиквариат – всякий, любой? Следователям НКВД, КГБ. Одна беда: народ это был по большей части дикий, полуграмотный, в искусстве мало что понимающий. Вот читали, наверно, в газетах про папку рисунков знаменитого художника Дюрера, изъятую из какого-то там немецкого Кунстхалле? Про папку, которую запросто привез в качестве трофея не то бывший капитан, не то лейтенант, не помню уж. Вы что думаете, это был армейский капитан? Да ничего подобного! Тот не всегда и привезти что-нибудь мог, хотя тогда трофеи растаскивали эшелонами. Ну, платишко жене, аккордеон. А! – Антон Григорьевич махнул рукой. – Это был, конечно, доблестный чекист, особист – холодное сердце, горячие руки... Но вообще-то вы правы, Аллочка, – прервал он вдруг свой затянувшийся монолог, – коллекционировать замечательно интересно. – Было заметно, что он уже устал от разговоров. – Вот я просто вам рассказываю об этом, а сам чувствую, что выздоравливаю.

– Мне бы тоже, наверно, надо было заняться каким-нибудь коллекционированием, – кокетливо сказала Алла. – Да только вот у меня ни времени, ни, конечно же, денег...

– Не надо, Аллочка! Лучше просто живите, наслаждайтесь жизнью, пока молоды, здоровы! Знаете, молодой красивой женщине, как вы, многое дается просто так, за то, что она красивая. – И рассмеялся сам этому выводу: – Надо же, с чего начал и чем кончил.

Алла засмеялась следом за ним. Потом, почему-то вздохнув, сунула в сумочку стетоскоп, решительно шагнула к двери.

– Ужас как я у вас засиделась! И все-таки до свидания, Антон Григорьевич. До завтра.

– До завтра, – все еще продолжая улыбаться, сказал он и снова крикнул на кухню: – Мариночка, проводи, пожалуйста, нашу гостью!

«Ишь ты, гостью!» – подумала Алла, когда дверь за ней захлопнулась и снова послышался скрежет – теперь уже закрываемых замков.

Марина сидела на кухне, как на иголках: она пыталась работать, но работа не шла – она ждала звонка Николая, человека, от которого зависела теперь вся ее жизнь, все ее надежды на будущее. Она дала ему на всякий случай и телефон дяди Антона, но что, если он не сообразит и будет звонить ей в их с матерью квартиру – такие недоразумения чаще всего и случаются, когда у тебя, кажется, все начинает идти на лад. И мать что-то, как на грех, задерживалась.

Неправильно было бы сказать, что, сидя на кухне, Марина совсем не слышала, что происходит в комнате. До нее доносились и кокетливые вздохи Антона Григорьевича, и русалочки смешки Аллочки, которая сразу ей не понравилась быстрым, оценивающим, все замечающим, каким-то всезнающим взглядом. Трудно определять, чем именно не понравился тебе человек, которого ты видишь впервые в жизни. Вернее всего, и она этой стерве в белом халате не понравилась – уж ей ли, женщине, этого не почувствовать. Но еще больше создали ей дискомфорт слова Антона Григорьевича о том, что должен подойти Ярослав. Словно какая-то ревность кольнула ее. Давно ли все носились с этим мальчиком – как же, будущее математическое светило, компьютерщик. Теперь этот милый мальчик стал наркоманом, и мало того – редкой сволочью, считающей, что все ему что-то задолжали. Хотя, впрочем, что ей-то с того? Ярослав дяде Антону родной племянник, а кто дяде Антону она? Так, соседская девочка, прислугина дочка... Господи, да с какой стати она в ней заговорила – эта ревность? Какое ей дело до какого-то оболтуса, с его то сонными, то неестественно блестящими глазами! Конечно, дядя Антон ей совсем не чужой человек, хоть и не родной, однако это вовсе не значит, что эти ее чувства к дяде Антону должны распространяться и на Ярослава, Ярика, чтобы ему неладно было.

Марина вернулась в комнату больного, быстрым, но внимательным взглядом окинула ее – словно раздражение против Ярослава распространилось и на только что отбывшую медсестру; Марина будто бессознательно проверяла, все ли на месте. Все было на месте, и Марина

заботливо поправила на Антоне Григорьевиче одеяло, упакованное в цветастый веселенький пододеяльник.

Старик лежал, устало прикрыв глаза, и что он не спит, она поняла только по тому, как он легонько пожал ее заботливо поправляющую одеяло руку.

– Ничего, дядя Антон, если я вас одного оставляю? – спросила она. – А то мне материал готовить в завтрашний номер, а я не могу сосредоточиться. И мама все никак не вернется... Я на кухне буду, слышите, дядя Антон? Если что – сразу кричите, ладно? Я тут же и прибегу, как Сивка-бурка.

– Да что ты, Манечка, что ты, – назвал он ее вдруг так, как звал в детстве, когда она ходила в первые классы школы. – И без того тебе огромное спасибо, что побеспокоилась о старике... Да и зачем мне нянька-то? Ты же слышала, что эта сестричка сказала, – нет у меня ничего страшного, так – возрастной ревматизм...

– Слышала, слышала! – охотно отозвалась Марина. – Я только не согласна с ней, что это такая уж безопасная вещь – ревматизм. Я читала, что это все равно сердечное заболевание, так что вы уж поаккуратнее здесь, ладно?

Хотя Марина оставила его одного, Антон Григорьевич вовсе не чувствовал себя одиноким – его окружали любимые вещи: тарелка Пикассо с голубем мира, акварель Лермонтова... даже небольшой набросок маслом Брака, мрачно-символичного немца, которого он, вообще-то, не любил, и тот был сейчас дорог его сердцу, как были дороги и любимые им и совершенно ему недоступные Модильяни и Эль-Греко... А ведь у него были еще книги, и хотя не ему принадлежала та самая папка с листами Дюрера, о которой он вспомнил, был Дюрер и у него, были авторские оттиски гравюр Доре, которые так приятно рассматривать в мелких деталях, дивясь жизнелюбию и сочному юмору этого своеобразного художника – так можно было разглядывать часами разве что одного Босха... И было не меньшее его сокровище – книги. Конечно, он не мог читать мысли и не знал, что Алла изумлялась тому, как можно в столь крохотной квартире существовать в окружении такого огромного количества книг. О, это может понять только настоящий фанатик – как прекрасен аромат книжной бумаги, книжной пыли, этот ни с чем не сравнимый аромат мудрости человечества.

Книги давали ему возможность жить необыкновенно насыщенной внутренней жизнью. Взять хотя бы, к примеру, одно то, что, глядя на свою библиотеку, он всякий раз испытывал какое-то... щемящее чувство вины. Оно было странное, это чувство, похожее на внезапное воспоминание о каком-нибудь неправильном поступке, совершенном в далеком прошлом, в молодости. Сделал тогда что-то не так – из осторожности, из трусости, бог знает почему еще, и никогда уже ничего не исправишь, так и будешь жить с вечно сидящим в тебе чувством вины. И не то чтобы она постоянно мучит тебя, а так вдруг – пронзит внезапно, как боль, как симптом какой-то беды, от которой нет никакого спасения... Не зря, не зря он сегодня говорил Алле про следователей НКВД – КГБ. Проблема вся была в том, что добрую половину своей коллекции он приобрел... – как бы это помягче сказать – не совсем нравственным, что ли, путем. Были то главным образом предметы, доставшиеся ему по прежней его работе в органах – что-то можно было законно приобрести из конфискованного имущества, что-то приходило к нему в качестве подношений – кто заискивал, кто откупался. Плавающая в Антоне Григорьевиче страсть не позволяла считать эти подношения взятками. Были у него – стыдно сказать – даже книги, украденные из библиотек, были картины, да вот хоть тот же Лермонтов, попавшие к нему после первой чеченской кампании – безумная страсть коллекционера заставляла не думать о том, какой след тянется за этим его приобретением, какой грязью и какой кровью он сдобрен, этот след. Один он знает историю каждой книги, каждой вещи в своей коллекции, и один он носит в себе стыд такой же жгучий, как и стыд за то, к чему причастен он был по молодости. Только, если честно – а кому, как не ему, старику на последнем пороге, не быть честным с собой, – только если честно, он давно уже не стыдился, а лишь спокойно прислуши-

вался к прожигающим иногда душу позывам совести. И так же, как про те, теперь уже далекие времена, когда он, молодой и глупый следак, встречал в коридорах Лубянки то изуродованных бывших наркомов, то врачей-убийц, – он говорил себе: э, да что я мог тогда исправить? Как я мог поступить по-другому? В самом деле, если бы он тогда не изъял у глупого пехотного лейтенантика Гутенберга – где бы он сейчас был, этот знаменитый фолиант? Где был бы Доре? Висел бы в магистрате того маленького городка, откуда и был изъят – и тем спасен от уничтожения? Лежал бы в каком-нибудь бундесхранилище? Вряд ли! В той заварухе, если бы он не взял – взял бы кто-то еще, не взял бы кто-то еще – все сгорело бы, пропало под гусеницами танков, пошло на растопку – видел же он, молодой особист, роскошный беккеровский рояль с нацарапанным на крышке самым знаменитым российским словом из трех букв – хорошо вспорол штык победителя полированное дерево... Велик был российский воин-освободитель, но и дик до ужаса, не зря немцы воспринимали нас точно так же, как некогда киевские русичи воспринимали диких ордынцев. А впрочем, не ему на эту тему рассуждать – он сам русский, он сам такой же, только вот у него не страсть уничтожать, а страсть собирать – для себя. А все эти не совсем красивые истории, тревожащие иногда совесть – они ведь практически такие же, как у каждого, почитай, второго коллекционера. Зато когда он брал свои сокровища в руки, раскрывал, ощупывал скользкие между пальцами закладные ленточки или нежные листы папирсной бумаги, прикрывающие гравюры в старинных книгах и папках с рисунками, любовался своими картинами... О-о, когда он любовался своими картинами, – пусть даже какой-нибудь, на чей-то взгляд, формальной ерундой: как, например, блестит меч у браковского вестника смерти или пучится из-под первого снега зеленая еще трава на писанной гуашью крохотной картонке Серова (едва не самое большое его сокровище!) – его охватывало ни с каким опьянением на свете не сравнимое удовольствие, счастье, ощущение вечности своего бытия, не боязни смерти, ощущение кровной связи с теми, кто был до тебя и будет после (ведь будет же и после его смерти кто-то смотреть на все это!)... И какое уж в эти мгновения имело значение – как именно попали к нему все эти вещи! Как не пахнут деньги, так не прилипает мерзость жизни к настоящим произведениям искусства. И почему, скажем, книги, приносящие ему такую ни с чем не сравнимую радость, должны быть не у него дома, где он может хоть каждый день брать их в руки, разглядывать, бережно заботиться о них, а в какой-нибудь публичной... Ух, даже и слово-то какое!

Назовите это гордыней, манией, шизофренией – как угодно! Но все эти книги, все эти вещи, доставшиеся ему с таким трудом – даже отцова «птичья» коллекция, которую он в меру сил расширил и умножил, – будут пребывать у него, в его владении до тех пор, пока он находится в памяти и здравом рассудке! Точно так же считал в свое время и его покойный отец, уже тогда не обращавший никакого внимания на досужие разговоры о том, что все коллекционеры – психи и наполовину жулики...

Но что – то сегодняшний день уже утомил его. И снова, несмотря на Аллины обещания, ломило суставы. Когда же они начнут ему помогать, эти проклятые уколы! Бросив последний взгляд на плотно увешанную картинами стену, на стеллажи, на шкаф красного дерева, он нашел в себе силы еще раз счастливо улыбнуться своим сокровищам и спустя минуту-другую, когда в дверь позвонили, спал крепким, крепче не бывает, сном...

Марина подняла голову на этот звонок и, ни минуты не раздумывая, кто бы это мог быть, сразу догадалась: накаркала, призвала племянника Ярика. И впрямь это был он, тот самый Ярослав, о котором она совсем недавно думала с такой не очень ей самой понятной неприязнью. И, глядя на него сейчас, она лишний раз убеждалась, что совсем не на пустом месте выросла ее неприязнь к этому малому, хотя, в сущности, какое ей вроде бы до него дело! Кто-то, возможно, и назвал бы его симпатичным, но ей он был отвратителен. Лживость, безволие, захребетная сущность его природы – вот что виделось ей во всей повадке этого племянничка, в неестественности, разболтанности всех его движений – словно вместо суставов у него везде

были шарниры. И глаза... Неестественно темные, с огромными зрачками – то ли больные, то ли распаленные скрытым вожделием... Вообще-то странно – в прошлый раз он был какой-то сонный, словно заторможенный, словно в его мире время шло по крайней мере раза в два медленнее. А сегодня – совсем другой: суетливый, разговорчивый, хихикающий.

– О, привет, старуха, – нисколько не удивившись тому, что открывает именно она, сказал Ярик, с ходу беря такой тон, словно они были если не близкими родственниками, то уж ровесниками точно. Сопляк! – Слушай, – продолжил он свой ни с чем не сообразный текст, – а что дядьку мой? – Это он с некоторых пор так, почему-то на украинский манер, начал именовать Антона Григорьевича. – Дома? Никуда не сбежал? В больницу не лег еще, старый черт? А то он мне позвонил вдруг – проведай старика, племянничек, то да се... С какого, думаю, огурца? То сто лет про меня думать не думал, а тут – нате вам. – Неся всю эту околесицу, Ярослав снял куртку, повесил ее на вешалку, разулся, поискал глазами тапки, не нашел – тапки стояли в галошнице, обулся снова.

Словом, нельзя было смотреть на это без слез и раздражения. Почему, с какой стати она должна всем этим любоваться? У нее и своих проблем хватает. Вот она торчит здесь, с этим полоумным, а Николай там никак не может ей прозвониться... И Марина не выдержала.

– Антон Григорьевич! – крикнула она в комнату. – Тут Ярик пришел, так что я вас покину, хорошо?... А ты, – строго сказала она Ярославу, – дожись мою маму, не оставляй его одного, он только на уколах и держится, понял? Или, если не дождешься, позвони в нашу дверь – я выйду! Только не уходи просто так – замок не всегда снаружи защелкивается, мы его обычно ключом закрываем. Вообще-то мама вот-вот появится, ты понял или нет?

– Слушаюсь, товарищ командир! – кривясь в нелепой ухмылке, дурашливо расшаркался перед ней Ярослав и, не дожидаясь, когда она уйдет, ввалился в комнату больного. – Здорово, дядьку! – гаркнул он с ходу – точно так же глупо и громко, как гаркнул давеча ей.

Покачав головой, Марина шагнула за порог соседской квартиры, мимолетно подумав, что, наверно, не очень хорошо поступает, оставляя старика одного. Но в конце-то концов – племянник он деду или не племянник? И вообще, что уж такого там может случиться?

Дядька лежал на спине, как в гробу, желтый, кости лица выперли.

– Ну ты, дядьку, даешь! – сказал Ярослав, приближаясь к изголовью вплотную. И вздохнул с облегчением: вот здесь, впритык, было видно, что дядька таки жив, только пребывает в глубоком, каком-то бессознательном, по всему судя, сне.

Вообще– то у Ярослава было намерение попросить у дядьки взаймы – а иначе с чего бы он к нему поперся?! Ну, конечно, отдавать бы он ему не стал – с каких, собственно, шишей? Что он, работает, что ли? Магазин держит? А и не отдаст – ничего зазорного не будет: дядька и сам бы должен понимать, что раз его единственный племянник – человек еще молодой, значит, ему деньги нужны, много денег. Тем более что у племянника такая большая проблема – героиновая зависимость. Была б анаша какая или там «экстази» – он бы и слова не сказал, ну а «гера»... тут человек и сам бы должен понимать, не маленький. И вообще, хрен ли дядьке сидеть на этих своих сокровищах? Жизнь – она придумана для молодых, а дядька Антон – он старый уже, зачем ему коллекция? А ему, Ярославу, очень бы сгодилась, ему деньги нужны, много денег! И, главное, у него уже есть один урод, который предлагает за дедовы книжки хорошие бабки... Ну, не за все, конечно, за некоторые... Все – это дураком надо быть, чтобы все сразу продать. А вот так, понемногу – почему бы и нет? Очень даже замечательно!

Вообще– то нельзя пока сказать, что над ним каплет – доза на сегодня у него есть. Должок за ним этой сволочи, Димону? Так он его сегодня и отдаст, если дед денежку отслонявит. А чего ему не отслонявить-то?

Он, вообще-то, дядька-то, сам падла хорошая. Мать же не просто так всегда, сколько он себя помнил, кричала: «Ограбил, ограбил твой чертов дядюшка свою сестрицу!» – «Какую сестрицу?» – спрашивал маленький Ярослав. «А мать твою, дуру!» Маленьким он не понимал,

о чем идет речь, а когда вырос, этот грабеж и грабежом-то ему до поры до времени не казался. Мать, как это ни прискорбно, как всякая женщина склонна была преувеличивать такие вот наследственные потери. А дело всего лишь было в том, что его, Ярослава, дед – матери и дяди Антона родитель, собирал когда-то книжки. Не ел, не пил, от семьи, от детей отрывал, а книжечки свои дурацкие собирал. А потом, помирая, библиотеку свою не поделил между детьми, как сделал бы другой, не такой помешанный на книгах, а завещал ее дядьке Антону. Вон оно, то дедово наследство! Он уж спрашивал однажды у дядьки: а где, мол, те книжечки, что дедушка мой собирал? Вон они, стоят в красном шкафу, как миленькие, птички на корешках... Но ведь, если рассудить трезво, отрывал дед кусок-то не только у дядьки Антона, верно? А и у дочки своей Капитолины тоже! А коли так – стало быть, во всем, что тут вокруг, и его, Ярослава, доля имеется? Вот то-то и оно!

Правда, как раз сейчас ему это ни к чему – доза у него есть, денег дед даст, так что без кайфа он не останется. А вот потом... Потом, когда кайф обламывается – надо все по новой, если снова хочешь заторчать. И даже если не хочешь – все равно надо новую дозу добывать, потому что, если не уколешься – так ломать начинает, что лучше сдохнуть. Такая вот она сволочь, эта «гера»... Тут мать с отцом продашь за дозу, а не то что дядькины книжки. Но потом – оно и будет потом. Вон, Димон уж подкатывает: тащи, мол, книжки – я тебя на полное обеспечение возьму. А хочешь – деньгами дам, баксами. И, главное, книжки, гад, называет, как будто он, сука, тоже в дедовы шкафы заглядывал. Не, тут еще придется подумать... Это дураком надо быть, чтобы вот так, за здорово живешь... Хотя, собственно, почему нет? Плохо ли – полгода ни о чем не думать... Дядька спит, даст он денег или нет – это еще как повезет...

Воровато оглянувшись на входную дверь – он так и не понял, ушла эта сучка Марина или нет, Ярослав пошарил у деда под подушкой – знал где шарить (не один уж раз мысленно представлял себе похожую сцену) – и обнаружил там небольшую связку ключей, а на ней – один, старинный, с какими-то выкрутасами. Ключ был большой, медный – судя по виду, по размерам, именно он-то ему и был нужен. Стараясь двигаться бесшумно, Ярослав подошел к шкафу красного дерева. Собственно, в том, что он собирался сделать, не было, как он уже для себя решил, ничего предосудительного или неправильного. Раз дядька его вдруг позвал – сам, заметьте, позвал, чего не случилось уже очень давно, – значит, решил сделать его наследником. Ну а коли так – значит, он, Ярослав, имеет право! Тварь я дрожащая или право имею, хе-хе. Великий был писатель Достоевский, жаль только его Раскольников наркоты не употреблял. От наркоты, брат Родион, сильнее ощущения, страсти глубже! Что тебе там голод, или унижение с оскорблением, или азарт Монте-Карло! В наркоте, особенно в «гере», – все сразу, и ниже, чем от нее, от наркоты, человек ни от чего не падает. Все, он уже сам себе не хозяин, и нету на свете ничего, чего нельзя было бы продать за дозу. «А я, кстати, – убеждал себя Ярослав, вставляя ключ в украшенную медной же пластиной скважину, – никого даже убивать и не собираюсь, или, там, продавать... ну в смысле – предавать...»

Замок открылся легко, без шума и какой-нибудь музыки – музыки больше всего боялся Ярослав, любили предки везде, где ни попадя, устраивать музыкальные шкатулки.

Ни продавать, ни убивать... Он всего лишь возьмет кое-что из этого заветного шкафа, самую малость. Не, ну в самом деле – не ждуть же дядькиной смерти, какого-то там завещания – фу, как это некрасиво – ждуть смерти родного человека ради выгоды! Пусть какая-нибудь стервятница вроде воняющей духами Марины этим занимается. А он не будет ждуть ничьей смерти... И вообще, чего ждуть, если ему надо именно сейчас, а не когда-нибудь? Он и жлобствовать не будет, он возьмет аккуратненько самую, может быть, слабую часть будущего своего наследства: вот этот двухтомничек про птичек, насчет которого все долдонит Димон, – почему не сделать человеку приятное, тем более если он готов заплатить баксами? Даже не так: возьмет один том, а один том пусть у деда будет. И никому не обидно, верно? Так, она? Она. Инглиш. Иллюстрировано Томасом Бьюиком... хоккей! А это что за фигня? Во, блин, да это ж дядькин

штамп, вернее сказать, круглая печать: «Проверено Антоном Красновым», и в середине звездочка. Сапер, блин! Проверено – мин нет. Не мог уж себе экслибрис заказать, сэкономил... Не, ну вообще дела – наклепал каких-то своих служебных печатей на чужие книги! Ярослав был слегка задет таким легкомысленным дядькиным отношением к его, Ярослава, будущим вещам...

Он обернулся в сторону огромной кровати под балдахином. Дядька лежал все так же страшно, лицом вверх, желтый, с полуоткрытым ртом, из которого временами рвался какой-то клекот. Эк тебя скрутило, Антон Григорьевич, мамани покойной брат! Вот так колотишься, колотишься, чего-то добиваешься – и бац! Лежи потом вот такой желтый, как пергамент, на которых твои инкунабулы царапали или как их там? Палимпсесты, о! Молодец, Ярослав Михалыч, какие слова еще помнишь! А говорят, «гера» – она память отшибает. Врут, суки! Да, так, значит, возвращаемся к нашим баранам, то есть к делу. Несть греха... поскольку дядька все равно не сегодня завтра отдуплится, жалко старичка, честное слово... Вот это у нас что такое красивенькое? Ну, козел старый! Везде нафигачил пятиконечных звезд... «De origine mali», Уильям Кинг, 1702... Ладно, возьмем, так и быть. Уважим старика. Блин, ему бы отечественные книжки собирать, а эти – хрен разберешь... «Гипнероптомахия», – прочитал он. А марочка у издательства красивая была: якорь, а вокруг него дельфин обвился... Нет, это он не возьмет. О, вот наконец на русском: «Левиафан». Гоббс. 1864 год. Ну вот, уже хоть на что-то похоже, а то язык свернешь... Вот теперь хорош, пожалуй. Можно шкафчик-то и закрыть... Ну-ка, а это что за конвертик из крафт-бумаги? Кунст... Кунстхалле, Бремен. Альбрехт Дюрер. Всего-то две картинки. Мужик в берете, скулы торчат, как вон у дядьки Антона. Рахитичная дамочка, задушенная корсажем... Взять, что ли?

Но раздумывать было некогда – дядька шевельнулся на своей огромной кровати, промычал что-то обиженное. А ну как проснется, старый черт! Ярослав осторожно повернул ключ. Он был весь в холодном поту – не на шутку испугался, когда дядька зашевелился. Нет, блин, «гера» все же на нервы действует! На память нет, а на нервы действует. Если будут детишки, подумал Ярослав, закажу им, сукиным сынам, колоться. Скажу: что угодно, а это – даже и не думайте, идиоты! Хотя... какие уж там у него детишки, откуда...

Сложив конфискованные богатства на журнальный столик, он со всеми предосторожностями подкрался к изголовью дядькиной постели, сунул ключи под подушку. Потом на цыпочках прошел к двери. Хватило ума не бежать сразу сломя голову, а еще раз бросить взгляд на порушенный им порядок в красном шкафу. Сейчас, когда кайф начинал мало-помалу проходить, он уже понимал, что совершает глупость, что рассчитывать ему особо не на что – если дядька заявит, куда надо, его вычислят сразу же. Но и менять свое решение он уже не мог. Что, в самом деле, за фигня, что сделано – то сделано. «Дак ведь посадят!» – шепнул ему внутренний голос. А и хрен с ней, отмахнулся он от этих нашептываний. Там тоже люди живут, и ничего. У нас страна такая...

Но вот со шкафом малость некультурно у него получилось: книжки-то он вытащил, а что после этого дырка образовалась – не заметил. Нет, надо исправлять – если и поймают, то хоть не сразу. Когда-то еще дядька хватится пропажи – в его-то состоянии. И снова Ярослав, обливаясь потом – теперь уже не от случайного, а настоящего, пронизывающего все его равнодушное к жизни существо, неистребимого страха, снова залез дядьке под подушку, снова открыл заветный дядькин шкаф, немного переставил книги, сунул в дырку ту самую, что понравилась – с дельфином вокруг якоря. Дырка все равно осталась, правда поменьше. Тогда он сдвинул книги поплотнее. Вот так было нормально. Безумству храбрых поем мы песню! Ну все, теперь хрен кто чего заметит! Кроме дядьки, конечно. А дядька, прямо скажем, не того. И Ярослав, любуясь делом своих рук, хихикнул с полегчавшим сердцем.

И, естественно, он не вспомнил о том, что ему наказывала Марина. Захлопнув входную дверь как получится, он, никуда, конечно, больше не заглядывая, сломя голову понесся вниз по лестнице.

А Антон Григорьевич спал беспмятным сном и видел в этом сне узкий кабинетик в Варсонофьевском, и невнятную, стоящую перед его столом фигуру, от которой жутко несло пропитавшей ее одежду мочой – так всегда воняет во внутренней тюрьме подследственный, у которого отбиты почки. А ради чего их отбили, ради чего человека арестовали? Уж не ради ли того, чтобы он, спасенный молодым следователем Красновым, подарил ему впоследствии один из томов «Истории птиц Британии» – тот самый, о котором мечтал еще его покойный отец...

Впрочем, как раз об этом-то сон ему ничего и не говорил...

## Глава 2

Конечно, Игорь Альфредович Решетников сделал ошибку, поместив то свое дурацкое объявление: «Состоятельный иностранец приобретет книги по орнитологии и вообще о птицах», – это было совершенно очевидно. Только теперь, разведав все как следует насчет хитрого рынка торговли антиквариатом с заграничными «благодетелями», он понял: ты лишь начни искать, начни дело, а все остальное само поплывет тебе в руки – были бы средства и идеи. Ну и, конечно, немного удачи. Но понял он это, как говорится, задним, увы, умом. Вообще-то на книжном рынке Игорь Альфредович был не новичок, как могло кое-кому показаться. И вовсе не лох – пусть на этот счет никто не обольщается, наблюдая его барскую вальяжность.

Он начинал ужасно-ужасно давно, когда был еще никто, скромный училищка-словесник в драмом пальтишке и лоснящемся, заношенном шевиотовом костюмчике. И ходить бы ему так до века, если бы не начались в стоячей жизни родного государства всякие революционные процессы, особенно заметные в столице. Начинать он, если хотите знать, с макулатуры. Помните, был такой порядок: сначала сдаешь макулатуру, тебе за нее, кроме копеек, дают талончик, соответствующий сданным килограммам. Как двадцать кило набрал – получай право на приобретение чего-нибудь дефицитного: Дюма, Дрюона, Проскурина какого-нибудь, на худой конец. Игорь Альфредович тоже сдавал макулатуру, мечтая, правда, не о Дюма и тем более не о Проскурине – он хотел собрать библиотечку поэзии: Пастернак, Цветаева, Мандельштам. Книжки по поэзии очень нравились девушкам, а к девушкам Игорь Альфредович относился с очень большим интересом... И вот обратил как-то Игорь Альфредович внимание на то, что приемщики – неграмотные алкаши, из тех, кого раньше называли старьевщиками, бракуют половину приноса у всяких там бабушек-старушек. Потому как бабушки-старушки сдавали большей частью никому в советской стране не нужные книжки в толстенных переплетах. Переплеты эти приемщики должны были отрывать, выкидывать – сплошная морока, газеты для них были во много раз предпочтительнее. И когда старушки, бросив у стен приемного пункта с таким трудом принесенную тяжесть, несолоно хлебавши ковыляли домой, умный человек Игорь Альфредович кидался к этим никому теперь не интересным связкам, жадно развязывал стягивающие их бечевки. Так, что нам сегодня господь послал? 2-е издание полного собрания сочинений Ленина, печатается по постановлению... под редакцией тов... Не бог весть что, хотя и это может кому-нибудь понадобиться: книжечки-то давным-давно изъятые, с не выкорчеванными еще остатками всякого троцкизма и прочей крамолы... «Четырнадцать минеи». А вот это уже другое дело! «Путешествие цесаревича Николая Александровича» – эту и букинистический, пожалуй, хорошо возьмет, не каждый день встретишь... Ого, «Деяния Св. Апостолов»... Да если ты не дурак, да приложи малость руки, чтобы книги выглядели поновее, да придержи их, если можешь, в своей библиотеке – не для чтения, конечно, а как обменный фонд... Стоило Игорю Альфредовичу вовремя сообразить все это, как пошло у него дело, поехало, да так, что и работа никакая ему не нужна бы была, если бы не борьба родной власти с тунеядством. Мало-помалу начал Игорь Альфредович ощущать себя не жалким жучилой, а чуть ли не спасителем родной культуры, начал мечтать о свободных рыночных отношениях, представляя их точно такими, какими они складывались под его и других таких же, как он, жучил полулегальным воздействием: он, Решетников, подбирает брошенные дураками книги и перепродает их или выгодно обменивает, а государство его при этом не трогает – не только не мешает ему, а даже как бы и любит его культурно-охранительной деятельностью.

Этой своей деятельностью он гордился и тогда, когда начал откровенно грабить отъезжающий на историческую и иные новые родины еврейский контингент. Работы стало так много, что пришлось Игорю Альфредовичу обзавестись шестерками, научиться делать властное лицо, а иногда и руки в дело пускать. И знаете – удавалось держать всякое отребье в повиновении:

деньги, они многое в этой жизни меняют, а у Игоря Альфредовича деньги к этому времени водились, и в немалых количествах, да и книги как-то потихоньку-потихоньку начали вытесняться антиквариатом повесомее – ювелирными изделиями, иконами, оружием. Книги, которым он оказывал теперь такую честь, были настоящим коллекционным раритетом...

И все шло прекрасно, пока не взяли его, уже в горбачевские времена, за хобот менты. Как он ни пытался откупиться – получил свои два года условно. За спекуляцию. Пострадал и материально – имущество-то у него по решению суда конфисковали, хотя и он не дурак – позаботился заранее, припрятал кое-что про черный-то день. Но главное – он тогда пострадал нравственно. Те несколько месяцев, которые ему пришлось провести в камере, в следственном изоляторе, Игорь Альфредович вспоминал с чувством омерзения, каждый раз думая, что если еще раз такое с ним случится – лучше уж сразу покончить с собой. Может быть, именно для этой цели обзавелся он пистолетом «беретта», а может, и для какой другой, а только стал он теперь осторожен, суров и недоверчив и уж никак не похож на приезжего скромного учителя словесности. И хотя времена окончательно изменились, делал он теперь свои коммерческие ходы тихо, незаметно, мечтая лишь об одном: реализовать по-умному все, что у него есть, прикопить еще столько же и оказаться за границей. Пусть недалеко, пусть хоть в Чехии какой-нибудь, но только не здесь. В Чехии можно жить в хорошем месте, купить чистенький кирпичный домик с садиком. Ковыряться в этом садике, пить себе пиво, смотреть телевизор и не видеть всего того хамства, что расцвело вокруг. А если еще чуть побольше денег – можно и в Америку... И не так уж, между прочим, много и денег-то надо.

Он долго думал, как ему примениться к той новой жизни, что бурно вспухла вокруг за те два года, что его мытарил по судам, а потом держали под надзором, но так ничего и не мог придумать. Продолжать здесь, в стране, спекулировать книгами? А кому они теперь так, как раньше, нужны, если людям нечего жрать, да и книг стало не в пример больше! Серьезный антиквариат, картинная галерея? Нужен начальный капитал, и немалый, а он пока загашник свой трогать не собирался – размотать денежки легче всего, ты попробуй их накопи сперва.

И так бы, может, он и маялся до сих пор, не в силах сделать какой-то решающий шаг, если бы не подслушал однажды дуриком разговор двух бывших своих коллег-книжников, сидящих за пивом в подвале в Столешниковом, излюбленном некогда их месте. Разговор у этих двоих шел о каком-то чокнутом иностранце, готовом за бешеные деньги скупать тут, в России, книги о птицах. Вот ударила мужику моча в голову, и все тут!

– А он что, этот мудила, ну, иностранец-то – по-русски сечет, что ли?

– Да какой там сечет! Наш он, русский. Заехал туда, на чем-то сколотил миллион, ну и, как водится, сразу в дурь попер...

– Ишь, блин, деньги что делают!

– А че, были бы у тебя бабки, – заржал второй, – ты бы тоже в дурь ударился... Ну и сколько он платит?

– Ну, чтоб ты понял порядок цифр... Там у них, у этих птичников, есть какая-то знаменитая хренотень, какой-то популярный трактат об английских птицах – ну с картинками, в двух томах... Так он за эти два тома готов, не торгуясь, сразу семьдесят пять тыщ выложить.

– Баксов? – ахнул второй.

– А то чего. Конечно, баксов.

Это был «полный абзац». Во-первых, потому что деньги были даже на слух очень большие. Во-вторых, потому что сам Игорь Альфредович книги по орнитологии не то что никогда не собирал – он и не интересовался ими, и даже не помнил, попадались ли они ему хоть когда-нибудь на глаза.

Вот тогда-то он, подумав день, другой, и дал то самое объявление в газеты, о котором сейчас жалеет. Правда, газеты были всего лишь рекламные – «Из рук в руки», «Экстра-М», их и так-то не всякий читает, а уж тем более мелкие объявления о покупке, а все равно сейчас

бы Игорь Альфредович так не сделал. Давать такое объявление – только привлекать в себе ненужное внимание. Слава богу, хоть хватило ума адрес свой не дать, написал: «Обращаться в такое-то отделение связи, абонентский ящик номер...» И отделение выбрал как можно дальше от своего жилья, можно сказать, в другом конце города... Ко всему прочему, затея эта путным ничем не кончилась – посланий ему на абонентский ящик было всего два или три, вроде того, что прислала ему чуть ли не сразу же какая-то сумасшедшая бабка, предложившая набор цветных открыток «Певчие птицы Подмосковья». Зато был высокий процент надежды, что не дошло это его родившееся от нетерпения разбогатеть объявление до людей лихих. Тем более что, окончательно акклиматизировавшись, он успешно пошел совсем другим путем, более профессиональным, как он сам себе говорил с гордостью.

Мало– помалу Игорь Альфредович навел справки среди таких же, как и сам, книжных жучков. И вот тут и попал в поле его зрения некий чудак – то ли бывший следователь КГБ, то ли военный прокурор, а кто-то даже утверждал, что этот самый чудак был всего-навсего выводным надзирателем во внутренней тюрьме то ли на Лубянке, то ли в Лефортове, – который держал в своей немалой нажитой праведными чекистскими трудами коллекции несколько десятков подобных книг, в том числе и знаменитый двухтомник. Игорь Альфредович, понимая, что дело его, в общем-то, безнадежно, собрался было просто поехать к старику, попробовать его уболтать, заплатить какие-то деньги – словом, предпринять хоть что-то. И поехал бы, если б ему на глаза не попал случайно каталог одной нью-йоркской букинистической фирмы. Игорь Альфредович из привычного профессионального интереса полистал его и, как водится, тут же наткнулся на нужную строку. А наткнувшись, только крикнул: «История птиц Британии» по каталогу и впрямь стоила семьдесят пять тысяч – во всяком случае, такова была стартовая цена пресловутого двухтомника, поскольку в каталоге же и отмечалось, что на рынке издание не появлялось с 1947 года...

И конечно, он мгновенно подумал о том, что где семьдесят пять тысяч – там, без проблем, и все сто, если не больше. И тут Игорь Альфредович поклялся, что посвятит решению этой проблемы год жизни, а своего добьется. Надо будет – и больше года посвятит.

Раз есть проблема, повторял он про себя свое любимое изречение, над проблемой надо работать. А раз надо – будем работать.

И он начал работать. Он узнал все, что мог, про гэбэшного старика: и что он не очень здоров, и что не работает, а давно уже на пенсии, отчего томится и не знает, чем себя занять, и что живет один на нищенскую, в общем-то, пенсию... Да, такого вот деда – никчемного, никому не нужного, да еще, поди, с несмыаемыми грехами за душой (не зря же все говорят, что он в органах служил!) – не зазорно и ограбить. Но тут главное – не спешить, все продумать, от начала и до конца, да так, чтобы потом осечек не было.

– Не столько силой, – внушал себе Игорь Альфредович, – сколько хитростью. Да-да, сила и хитрость.

Так появился сначала Димон. Потом Алла.

Димка, Димон, был его руками, а стало быть, силой.

Димон – это сила.

Алла – это хитрость...

Они все были одного поля ягода: Алла, которая имела за плечами судимость и запрет на занятие врачебной деятельностью, Димон, с которым Игорь Альфредович куковал в одной камере СИЗО, на соседних нарах. Хотя, усмехался про себя Игорь Альфредович, то, что у них у всех троих судимости, еще не делает их родными. Но и чужими их уже не назовешь, верно? Тем более что с Аллой у них отношения уже давно больше, чем просто деловые, да и Димон ему кое-чем обязан. Если бы не Игорь Альфредович – либо сидел бы малый уже по новой за сбыт наркоты, либо подох от передозировки, передоза, как у них, у наркоманов, это называется. Одно хреново: сам меньше употреблять стал, зато развернулся с подачи Игоря

Альфредовича с этой наркотой проклятой так, что уже не остановишь. Бизнес, говорит. Бизнес, конечно, судя по всему, очень прибыльный, но сам Игорь Альфредович в него не полезет. Да и Димона терпит рядом только потому, что тот нужен, а как все кончится – сразу же постарается от него избавиться. Слишком опасная это дружба. Случись с ним что – обязательно за собой потащит...

Подслушанный тогда в пивной разговор разбудил в нем подлинное вдохновение. Нет, конечно, на настоящую уголовку, на мокрое дело он не пойдет, о чем речь, а вот придумать что-нибудь этакое... Неужели же он, интеллигентный человек, имеющий такой житейский опыт, которого нет, наверно, ни у одного из его конкурентов-книжников, не сумеет как-нибудь так изящно обтяпать это дело со стариком прокурором, чтобы он ничего не заподозрил, а если даже и заподозрил, то уже не мог бы ничего изменить?

Игорь Альфредович порознь отловил тех двоих, что сидели тогда в Столешниковом, – одному пришлось поставить хорошее угощение, чтобы разговорить, для другого пожертвовал адресочком потомственной купчихи, у которой дома был, можно сказать, целый иконостас, причем ни одной иконы моложе середины 19-го века... Выяснилось: все правда. Есть такой полоумный миллионер, а от него в Москву регулярно навевается гонец, некий господин Алекс Петерсен. Что за птица – хрен его знает, но полномочия от своего миллионера имеет большие.

Ну что ж, и этого пока достаточно. Один из тех двоих, тот, кого он навел на иконостас, дал ему московский телефон, по которому обычно можно было этого Петерсена найти. И хотя встретиться с самим Петерсеном Игорю Альфредовичу не удалось, разговор с ним по телефону состоялся, и разговор этот дал Игорю Альфредовичу новый творческий импульс. Интересно ли его хозяина двухтомник «Истории птиц Британии»? Безусловно интересно, даже чрезвычайно интересно. Если это, конечно, «чистый» товар, вы меня понимаете? – без уголовщины и прочих неприятностей. Цену за такое приобретение заказчик готов заплатить очень, очень по российским меркам высокую.

– А нельзя ли конкретнее? – попытался уточнить возможный барыш Игорь Альфредович.

– Зачем? – удивился Петерсен. – У вас что, имеются эти книги?

– Нет, но...

– Вот когда у вас будут книги, – оборвал его Петерсен, – тогда и поговорим. А теперь счастливо вам быть дома. И передайте вашему другу Серову, что я не очень доволен, что он дал вам мой номер в гостинице. У серьезных деловых людей так не принято. А потом, ваша Россия, знаете, очень опасная страна, чтобы иметь дело с первым попавшимся под ногу... так, да? Я вас не обидел? С первым попавшимся под ногу человеком.

Игорь Альфредович, восхищенный тем, как быстро иностранец вычислил, кто ему дал номер гостиницы, тем не менее успел вставить слово до того, как недовольный Петерсен окончательно попрощался.

– Сорри, мистер Петерсен! – ввернул он. – С двухтомником все чисто, у меня с господином Красновым, о котором вы, вероятно, слышали, есть договоренность об уступке прав собственности. – Он и сам не очень хорошо понимал, что значат его слова, но выглядели они, в общем-то, солидно и вполне убедительно. О чем свидетельствовало и длительное молчание господина Петерсена на том конце провода – даже по этому оглушающему молчанию Игорь Альфредович чувствовал, что наконец-то он зацепил этого заграничного фуфела.

– О'кей, – наконец сказал Петерсен. – Это уже разговор. – Но я действительно уезжаю сейчас, хотя и с приятной для моего поручителя новостью, так, да? Я ему могу сообщить о том, что вы мне сказали – по поводу имеющейся у вас договоренности с господином Красновым? Дело в том, что господин Краснов уже отказал нам и даже не захотел обсуждать какие-либо условия сделки...

– Вы безусловно, безусловно можете сообщить вашему поручителю эту новость.

– О'кей, – снова сказал Петерсен. – Я теперь буду в России примерно через два месяца. Как мне вас найти? Я думаю, так будет правильнее – не вы меня находите, а я вас. Вы согласны? Игорь Альфредович был согласен на все, о чем тут было спрашивать!

Но пообещать – это одно, а сделать – совсем другое. Над вопросом предстояло работать и работать.

Свет в конце этого тоннеля появился неожиданно, тогда, когда Игорь Альфредович, чтобы маленько размяться, отправился в поликлинику, откуда ему позвонили и предложили зайти, забрать новый страховой полис. Именно тогда он и увидел впервые Аллу. Собственно, сначала он увидел не столько ее саму, сколько ее приятно обтянутый нейлоновым халатиком задок – Алла в этот момент с ненавистью терла истоптанный сотнями ног линолеумный пол возле окон регистратуры. Словно почувствовав его взгляд, она подняла голову, мимолетно взглянула на Игоря Альфредовича, заставив искренне поразиться тому, до какой степени она не соответствует образу нищей больничной нянечки. Это было что-то непонятное, приковывающее внимание: молодая, красивая, судя по взгляду – умная, и уборщица!

– Это что у вас за сучка новая? – спросил он у знакомой регистраторши, как раз выдававшей полисы.

– Ну зачем же вы так, Игорь Альфредович! – с одобрительной усмешкой, так не соответствующей его неодобрительным словам, сказала докторица. Она помнила его, кокетничала с ним раз в полгода – когда нужда заставляла его забрести сюда, в поликлинику. – Это никакая не сучка, это у нас действительно новая нянечка, и действительно необычная, у вас глаз – алмаз. Зовут Алла, возраст – сами видите. Не замужем. Дипломированный врач-терапевт без права работы на врачебной должности...

– Ба-ба-ба, какие страсти вы рассказываете! Это почему же такая немилость?

– Вляпалась, дурочка, на торговле наркотиками, представляете? Ладно хоть адвокат хороший достался... вернее сказать, хорошего купила. Два года условно и бессрочный запрет на врачебную деятельность...

Она, естественно, и знать не знала, та кокетливая докторица, что именно с этими ее словами в голове Решетникова созрел наконец тот самый идеальный план, к которому он столько времени подбирался. План был замечательно прост: разжалованная врачиха, он тогда даже не запомнил ее имени, под видом сестры ходит к ветеранам делать уколы. Этакая как бы патронажная сестра как бы от собеса. Но интересуют ее, естественно, не ветераны вообще, а один ветеран. Ведь есть же у него, в конце концов, болезни, не мальчик все-таки, верно? А заодно она вводит ему что-нибудь очень успокоительное или снотворное... Чего-нибудь такое... вызывающее привыкание и сонливость... беспробудную...

Старик одинок, и это, конечно, главное во всем замысле Игоря Альфредовича – все случится, когда он будет спать. Правильно говорил Хрущев: кто долго спит, тот и жизнь просвистит. Но, конечно же, это вовсе не значит, что вот этой красавице придется красть или делать что-то в этом роде – слишком она будет на виду, если начнется расследование. Но поскольку старик спит с утра до вечера – сделать дубликат ключей ей вполне по силам. А может, и без всякого дубликата проникнет кто-нибудь другой, если будет знать, что именно должен искать и где, чтобы несколько минут, и все кончено. В идеале этот кто-то другой не должен будет знать красавицу, а она не должна будет даже и подозревать о его существовании. Но это уж как получится. А? Чем не план? Ну и, конечно же, должен быть как бы отстранен от всей этой возни он сам – хватит с него и той отсидки в Бутырках, на всю жизнь хватит!

Вот тут – то он и вспомнил о Димоне, которого недавно случайно встретил на улице. Вот кто ему нужен, и вот кто, судя по его виду, пойдет на все, чтобы иметь возможность ловить кайф. Не очень надежен? Ничего, дело одноразовое. А потом... потом будет видно, а то, глядишь, придется и изобретать что-то, чтобы заткнуть ему рот...

Ну вот, идея, кажется, вырисовалась, и неплохая идея, если учесть, что он сам хотел остаться с чистыми ручками. Остальное теперь – дело техники и денег. Надо было перевести Аллу из нянечек в сестры, надо было официально зафиксировать у Краснова старческое заболевание, требующее укрепления иммунной системы... Это все решалось без особых проблем, хотя план в каких-то деталях приходилось менять на ходу, уточнять, перекраивать. Ну, например, Алла поначалу очень трудно шла на сближение с новым человеком – она была угрюма, на заигрывания Игоря Альфредовича реагировала с презрительным пренебрежением; было такое ощущение, что она никому не верит вообще. Однако она все же заметно смягчилась, когда удалось добиться, чтобы ее перевели из нянечек в процедурные сестры. И вообще, наверное, рассудила, что Игорь Альфредович – мужчина, вполне подходящий для той роли в жизни красивой молодой женщины, на которую он претендовал. И мало-помалу у них сложились те отношения, которые на языке юристов именуется гражданским браком. Она перебралась к нему, Игорь Альфредович наконец приоткрыл ей свой замысел. И неожиданно встретил категоричное неприятие всего столь тонко выстроенного плана.

Выяснилось, что свой первый проступок перед обществом сама Алла воспринимает как случайную ошибку. А предложение Решетникова «срисовать» интерьер квартиры видного коллекционера считает оскорбительным. «Я тебе не дешевая воровка, – кричала она, собирая вещи. – Я вовсе не хочу становиться твоей соучастницей, чтобы опять сидеть на скамье подсудимых!» В конце концов он чуть ли не силой удержал ее в дверях, они помирились. На его счастье, задерживался с приездом Петерсен, о чем он однажды уведомил Игоря Альфредовича неизвестно откуда посланным заказным письмом, которое пришло – о ужас! – на тот самый абонентский ящик. Значит, читал все-таки народ объявления; и тут возникал еще большой вопрос: случайно ли Серов дал ему тот телефон господина Петерсена. Прямо какие-то сети шпионажа! Но как бы то ни было, отсутствие Петерсена не могло продолжаться вечно. Впрочем, все решилось словно само собой, когда началась очередная эпидемия гриппа.

Поликлиника, где работала Алла, располагалась в самом центре города, стариков здесь, как и по всей Москве, было немало. И вот, когда во время эпидемии гриппа руководство поликлиники заставило всех процедурных сестер ходить по домашним адресам, лечить ветеранов, занемог и Антон Григорьевич Краснов, из-за которого они ломали копыя. Сначала у старика был грипп, потом начались какие-то осложнения, ему прописали курс общеукрепляющих инъекций. Когда Алла сама сообщила, что ее попросили походить к старику, поделаться ему уколы, Решетников очень обрадовался.

– Ну вот, видишь! – сказал он. – Это судьба. – И добавил, видя, что сейчас она реагирует совсем не так болезненно, как в первый раз: – Ну что тебе стоит, Аллочка? Ты ни при чем! Ты хочешь остаться без пятнышка? Ты и останешься без пятнышка, как невеста!

Второе изменение в план он готов был внести уже после того, как Алла начала ходить к Краснову чуть ли не каждый день. Именно Алла принесла Игорю Альфредовичу информацию о племяннике Ярославе. И это была замечательно интересная новость, потому что, если бы удалось этого самого племянника использовать, Игорь Альфредович осуществил бы задуманное легко, без потерь и уж теперь-то – с помощью воистину идеального плана! В этом случае преступление, то есть похищение редчайших книг, совершил бы человек, не знающий ни его, ни Аллы, ни даже Димона... Впрочем, насчет Димона... насчет Димона он ошибался. Нет, Димон и в самом деле красновского племянника не знал и даже не подозревал о его существовании, но когда Игорь Альфредович отправил его на разведку – проследить, выяснить, где тот живет, что из себя представляет, Димон, докладывая, презрительно сплюнул:

– Он для чего нужен-то?

– Ну мало ли, – неопределенно ответил Игорь Альфредович.

– Да не, не хотите – не говорите, – скривился Димон. – А только я так скажу: если он нужен – это чмо голыми руками взять можно...

Своим наметанным глазом Димон сразу определил в племяннике родственную душу – пацан сидел на игле так крепко, что должен был все время увеличивать дозу, чтобы не плющило.

И вроде чисто теоретически все должно было получиться, как задумано, если бы... Если бы мнительного Решетникова не посетило вдруг сомнение: а что, собственно, мешает красновскому племяннику и Димону объединиться и начать диктовать свои условия? Одно дело, когда он нанимает Димона совершить кражу – да-да, именно нанимает, ничего иного, и совсем другое, когда кражу совершает неизвестно кто, а Димон выступает как посредник. Да тут эти жулики могут любую полоумную цену заломить, и ничего с ними не сделаешь! Словом, Решетников поостерегся вводить в предприятие еще одного человека.

Конечно Игорь Альфредович, как потом выяснится, переоценил умственные способности «партнера», приписал Димону свою собственную хитрость, но ему даже и в голову не пришло, что тот уже переговорил с красновским племянником, проявил, так сказать, инициативу. Но чмо – и есть чмо. Сначала Ярослав согласился выполнить Димонову просьбу, потом отказался – видать, как решил Димон, считал, что, если у него в руках будут дядькины книжки, он и сам на них деньгу срубит. И так бы они торговались и переговаривались до сих пор, если бы Решетникову не позвонил Петерсен и не сообщил, что будет в Москве через два дня. Это тоже соответствовало идеальному плану Игоря Альфредовича: книг еще не успеют хватиться, как они уже покинут пределы России...

– Да-да, конечно, ждем! – восторженно тарыхтел в трубку Игорь Альфредович. – Да-да, у нас уже все готово, ждем!

Словом, они должны были действовать срочно, так что больше – никакой неопределенности, никаких изменений плана. Это окончательно отменяло участие в операции племянника Ярослава – все должно было получиться и без него.

И сегодня с утра Игорь Альфредович, словно головой в прорубь, дал своей гвардии команду начинать реализовывать так старательно выношенный им план.

Алла заявилась домой лишь поздно вечером, обнаружив своего босса и сожителя в состоянии крайнего недовольства.

– Ты почему не звонишь? – злобно спросил он, готовясь, похоже, устроить ей настоящую выволочку. Но Алла, хорошо за это время усвоившая, чем его можно смирать, ничего не ответив, сняла свой короткий плащик, в котором пробежала весь день, и он, едва завидев ее стройную фигурку, аккуратно обтянутую надетым прямо на белье халатом, лишь крякнул, пряча мгновенно ставшие похотливыми глаза. Впрочем, все же проворчал, не смог остановиться: – И откуда же вы так поздно, мадемуазель Ухтомская?

– Ай, оставь эти штучки Игорь! – отмахнулась она. – Я же не на гулянке была! Так что не вяжись ко мне, пожалуйста, тем более все что требовалось – я сделала. – Она пожала плечами, сказала презрительно, словно адресуясь к кому-то третьему, кто мог быть им судьей: – Ну и мужики пошли! Да ты молиться на меня должен, а не попрекать непонятно чем, не устраивать какие-то бабские скандалы! Если бы не я – кто бы старику уколы делал?

Она нутром чувствовала, чем достать его – очень уж хотелось Игорю Альфредовичу, чтобы она говорила о нем другим: ух, он такой у меня мачо... Настоящий мужик – что по жизни, что в койке... Такие вот у человека комплексы, что подделаешь – мужиком ему хочется выглядеть. Ну, а ведь давно известно: хочешь жить с человеком комфортно – ни в коем случае не наступай этому человеку на комплексы! Если... если, конечно, тебе это не нужно для каких-нибудь далеко идущих целей...

– Да, да, ты, конечно, права, – тут же пошел на попятную Игорь Альфредович. – Если бы не ты – я просто не знаю! Но и ты меня пойми, я ведь тебя жду, я волнуюсь, – снова повторил он и, обняв ее за плечи, повел на кухню, где – она это знала, едва войдя в квартиру, – ее ждало

что-то вкусное, специально для нее приготовленное. «Ну что ж, – решила она, – сменим гнев на милость».

Стол на кухне был уже сервирован – знать, и впрямь заждался ее Игорек.

– Неужели это все для меня, милый? – проворковала, как в таких случаях полагается, Алла.

Он этот тон принял:

– Конечно, для тебя, дорогая, все ради тебя! Ну и, конечно, по случаю начала нашей... м-м... операции. Мы так долго этого часа ждали...

Он налил себе и ей по полной рюмке коньяку, поднял свою.

– Ну, за удачу, Лялечка! У тебя, надеюсь, сегодня все нормально прошло, без эксцессов?

– Какие от стариковских жоп могут быть эксцессы! – усмехнулась она, уже устав от взятого самой же слащавого тона. – А, ладно... Давай и вправду – за удачу.

Чувствовалось, что ему нейдетя расспросить ее обо всем. Но он сдерживал себя – видно, решил, что, поев, она смягчится. Он терпеливо наблюдал, как она сбрасывает на пол туфельки, как вытягивает намятые за день ноги в телесных колготках, как с наслаждением откидывается на мягкую высокую спинку дивана, а потом с таким же наслаждением, с аппетитными причмокиваниями начинает резать приготовленное им мясо, специально для него закатывая глаза к потолку – нет, мол, слов; как не в силах сказать что-нибудь набитым ртом, жестом показывает ему: налей, мол, быстренько налей! И только когда он увидел, что она наконец утолила первый, самый жадный голод, спросил осторожно:

– И все же, как там дела? Я могу уже отдать распоряжения Димону?

Она пожала плечами, сказала односложно:

– Можешь.

– Укол надежный, по-твоему?

– Надежней не бывает. Я еще там была, когда дед уже начал отрубаться! Думаю, часов до десяти утра проспит наверняка.

– Слушай, ты пойми и меня, – никак не мог успокоиться Игорь Альфредович. – Меня ведь, согласишься, не может не беспокоить, как все пройдет. Димон – он ведь болван порядочный, верно? Или ты за ним этого не замечала? Вот я и говорю: может, лучше бы тебе было сразу самой и взять, что надо, пока ты была там и дед твой спал?...

– Интересное кино! – возмутилась Алла, даже рюмку (пустую, впрочем) от себя отодвинула. – Ты что, совсем дурак? Или меня за дуру держишь? А как хватятся? На кого первое же подозрение? Конечно, на меня! А у меня что? У меня судимость, и значит, меня уже можно привлекать, – неважно, виновата я или нет... Этого ты хочешь, да?

– Да что ты, Лялюся, господь с тобой! Я ведь просто спрашиваю, что называется, гипотетически: могла бы ты или нет...

– Нет! – отрезала Алла. – Даже если б я и захотела сунуть голову в эту петлю, у меня бы все равно не получилось: там все время крутилась рядом дедова соседка, причем не старуха, про которую я тебе говорила, а другая, ее дочь. Так что извини, дорогой, как ни хотелось тебе подставить меня, а идти придется Димону. Замки там стоят – фигня. Один, наверно, можно фомкой отжать, даже просто большой отверткой, ну, а второй – похоже, шпильке поддастся. Английский, таких по Москве уже лет пятьдесят, наверно, не ставят... Так что скажи спасибо, что хоть в этом везет.

– Спасибо! – дурашливо поклонился ей Игорь Альфредович. – Вот не перестаю я удивляться: и дело вроде пустяковое, и навар хороший сулит, а все у нас вроде как через... то есть как из-под палки идет... И пока только одни расходы, а когда они окупятся – хрен его знает!

– Это тебе отсюда дело кажется пустяковым, дорогой, – огрызнулась Алла. – Ты сидишь дома, изображаешь не то крутого братана, не то светского мэна. А вот сунуть бы тебя в мою

шкуру, вот тогда бы посмотрела я, куда бы оно делось, это твое барство, этот твой дерьмовый аристократизм!

Вот теперь, кажется, она его все-таки достала.

– Кто ты есть? – взревел он. – Кто ты есть, чтобы делать мне замечания, объяснять, что я должен и чего не должен! Это я – слышишь, ты, это я должен тебе давать указания, понятно? Короче, в последний раз: я не спрашиваю, что ты вколола этому самому Краснову, я спрашиваю, сколько длится действие препарата, то бишь сколько еще клиент проспит. Как ты понимаешь, знать это – жизненно важно. И второе. Объясни мне внятно, может ли Димон идти и почему. Или не может – и тоже почему.

– Там соседки эти все время крутятся... Откуда мне знать, может, они и ночью дежурят или готовы прибежать по первому зову... А потом... я, конечно, в препарате уверена, но что будет, если дед все-таки проснется?

– Ну-у... не думаю. Препарат сильный, мне его знающий человек присоветовал, из ФСБ... А вообще-то я Димону дам карт-бланш. Пусть действует по обстоятельствам – если понадобится, то и жестоко.

– Карт-бланш?! – вскочила со своего места Алла. – Жестоко? Это что же – пусть, если захочет, и убивает? Вот что, дорогой мой! Ты мне ничего этого не говорил, я ничего не слышала. Не желаю я влезать ни в какое дерьмо, понял? Мы так не договаривались! Мне и той баланды, что я уже отведала, – вот как хватит! Обещай мне, что никаких жестких мер ни к старику, ни к соседкам вы с Димоном не примените. Никаких! Иначе я тебя сдам, предупреждаю. Не потому, что сука, а потому, что не хочу сидеть по новой, ты меня понял?

Но эти ее слова произвели на Игоря Альфредовича совершенно не то действие, на которое она рассчитывала. Он вдруг побледнел как смерть, встал со своего места, вперился в собеседницу сумасшедшим взглядом, от которого ей стало немного не по себе – после тюрьмы побаивалась психов.

– Алла, – сказал он замогильным голосом, – ты никому не рассказывала о нашем... о нашем деле? Ну, может, как-нибудь случайно, по-женски... Вот, мол, не сегодня завтра разбогатею, поеду на Канары, а? Ведь вам, бабам, только бы языком молотить, а что слушатели подумают – это вас мало касается... А ну, отвечай немедленно! – вдруг рывкнул он так громко, что Алла даже вздрогнула.

Ничего не говоря, она закурила, пару раз глубоко затянулась дымом, раздавила окурочку прямо в своем блюдце. Тюремный опыт подсказал ей и единственно верную линию поведения.

– Если ты, – сказала она, голос ее срывался, звенел от напряжения, – если ты еще хоть раз... Если ты, гнида интеллигентская, еще хоть раз повысишь на меня голос или посмеешь разговаривать со мной в подобном тоне, то я тебя, аристократ хренов, кобель поганый – я тебя придушу своими руками. Можешь даже не сомневаться: ПРИДУШУ! – Она перевела дыхание, не поднимая на него глаз, набухала себе коньяку в чайную чашку, маханула залпом, сказала властно: – А теперь звони своему Димону и немедленно посылай его к Краснову. Время идет, а ты не мычишь, не телишься. Еще скажи: пусть не зарывается, а берет только то, о чем договаривались. Две книжки – ерунда, авось сразу не хватятся. А потом – потом хрен кто распутает концы. И чтобы никаких карт-бланшей, никакой мокрухи. Заметит что-то подозрительное – лучше пусть тут же сваливает. Ты понял меня?

– О боже! – тоскливо отозвался Решетников. – Даже лучшая баба – это все равно всего лишь баба. – Чувствовалось, что самолюбие его уязвлено, что ему неприятно подчиняться ей, но и как выйти с честью из этого положения – он тоже не знает. – Что же ты так орешь, Лялечка! У меня даже голова от тебя разболелась!

– Прими ношпу с анальгином, – бросила она, даже не думая ему сочувствовать или смягчать свой приказной тон. – Знаю я эту вашу мужскую болезнь: как до дела доходит, так сразу штаны полные, так сразу за бабу прятаться...

А ей сейчас ужасно претил даже этот его нерешительный вид. «И чего я с ним связалась», – думала она, напрочь забыв о том, что в тот момент, когда она с Игорем Альфредовичем «связалась», ей и жить было негде, да уже и не на что, и если бы не он, одна бы выпала ей дорога – панель... Но она про это не вспоминала, она думала, глядя на него: ну добро бы хоть любовник был из него путный, а то одно название...

– Ну, что ты расселся, как у тещи на блинах, звони давай! – снова подхлестнула она босса, хозяина, сожителя, и Игорь Альфредович, дернувшись и бросив сквозь зубы: «Ну, ты... полегче!» – все же схватился за мобильник, набрал нужный номер, закричал в трубку – не столько для того, кто был на том конце провода, сколько для нее, для Аллы, сидевшей рядом и ждущей от него мужских поступков:

– Дмитрий! Давай приезжай сюда. Немедленно. Что?! Ты что – шутки со мной шутить будешь? Одна нога здесь – другая там! Да, дело... да-да, то самое, о котором мы с тобой говорили. Все, хватит базарить! Расчет? Да что ж ты, м... такой, все по телефону норовишь! Ты приезжай – я тебе все в деталях здесь обскажу еще раз: что, где, когда.

Он отшвырнул от себя телефон, схватил со стола коньячную бутылку, жадно присосался к горлышку.

Алла властно вытянула бутылку у него из рук, сказала брезгливо:

– Ты что думаешь, мне расслабиться не хочется? Твоя забота сейчас – дело сделать, понял? И не как-нибудь, а в наилучшем виде. Так что дождись сначала Димона, а уж потом...

И когда наконец Димон, в одиночку, отправился на дело (дом на Трифоновской, подъезд 2, код 579, один замок – фомкой, другой – простой отмычкой, но желательно не царапать сувальды, если кто не спит или появится не вовремя – вырубить, но ни в коем случае не гасить, взять только две книги – шкаф красного дерева, третья полка сверху, середина, две одинаковые книги в коже – «История птиц Британии», не забудешь? Больше ничего не брать, как бы ни чесались руки, расчет как договаривались, по выполнению), – когда он, наконец отправился на дело и осталось только ждать того самого момента, с которого они могли начинать считать себя богатыми и счастливыми, она сказала, закидывая ногу на ногу, так, что далеко, до самого тазобедренного сустава обнажилась ее розовая ляжка:

– Вот теперь наливай, Игорек. Начнем снимать стресс, верно? Вообще стрессы обязательно надо снимать, причем, чем быстрее, тем лучше. Это я тебе как медик говорю. – И засмеялась.

И он, не отводя жадных глаз от дразнящей наготы ее бедра, засмеялся тоже, правда, как-то скованно, зажато – никак не мог отвлечься мыслями от того, что сейчас происходит там, на Трифоновской.

– Ага, – наконец выдавил он сохнувшим горлом. – Димона дождемся – и оттянемся по полной программе.

Тогда, посмотрев на него все с тем же презрением, она налила себе и выпила, даже не подумав закусывать. Тоже нервничала, но по-своему...

Но волновались они, похоже, напрасно: спустя примерно полтора часа Димон, высоченный губастый парень в джинсовой куртке и белых, как у Бориса Моисеева, слаксах, вошел в квартиру Решетникова – с самодовольной улыбкой во весь рот и свертком под мышкой. По всему видать – на щите.

– Ну как? – встретил его в дверях Игорь Альфредович.

– Как не хрен делать! – гордо оказал Димон и торжественно было протянул ему сверток, но тут же передумал. – Или как, Альфредыч, может, сперва деньги?

– Ишь ты, деньги! Ты там не наследил за собой, нет? Ладно, пошли. Расскажешь, как все было, посмотрим, что ты принес, а там и решим...

– Как говорили две книжки, так и принес, чего решать-то? – покрутил головой Димон – ну, мол, ты и чудишь, босс... И, глядя, как хозяин на ходу распаковывает книги, забормотал,

идя за ним следом: – Только это... Альфредыч... там про птиц про этих, про британских – один том всего оказался, в шкафу-то в этом... Ты говорил два – а там токо один, ну я и...

– Ты чего принес?! – взревел Игорь Альфредыч, вытащив наконец принесенное на свет белый. – Нет, Ляля, ты посмотри, что этот мудофель в слаксах принес!

– А чего такого-то? – возмутился Димон. – Сказано – за две книжки платите, я две книжки вам и притаранил, хотя по мне – так лучше бы картинку какую было приватизировать. Там картинок разных – хоть жопой ешь...

Слушая весь этот бред, Игорь Альфредович, бессильно привалившись к стене, растерянно стоял у стола и смотрел на хорошо ему знакомую книгу в тисненной золотом коже.

– Господи! – выдавил он сквозь зубы с совершенно обреченным видом. – Это он знаешь что приволок, Алла? Это он альдину дедову приволок! Да ты хоть соображаешь, что ты наделал, урод? Это все равно что ты «Трех богатырей» каких-нибудь из Третьяковки спер или «Ивана Грозного», который убивает сына... Как тебе хоть в голову-то вскочило, уродище!

– А чего? – слегка растерялся наконец Димон. – Я смотрю – одного тома птичьего нету, ну я... Вы ж сами сказали – платите за две книги, верно? Ну я и подумал: эта старая, красивая. Она там совсем рядом стояла с этими, с птицами, ну я ее и того... Для счета. Чего я не так сделал-то?

– Тебе что было сказано? – грозно спросил Игорь Альфредович. – Тебе было сказано: два тома про птиц, и больше ничего не трогать. Говорил я тебе это специально или нет?

– Ну, говорил... Говорили.

– А ты что? Зачем ты ее взял, а? Она, может, одна на всю Россию, на все СНГ, куда ее теперь? А искать ее будут, как, блин, золото из валютного хранилища!

Алла тем временем, кинув мимолетный взгляд на «Птиц» (надо же, за что только люди ни готовы огромные деньги платить), жадно схватила книгу, о которой так много слышала в рассказах задавшегося целью просветить ее Решетникова. Книжечка была небольшая, и от нее прямо-таки исходил аромат какого-то изящества, дающего высоким вкусом, принадлежностью к чему-то настоящему (она почему-то при этом вспомнила красновскую соседку, Марину эту, которой, надо честно признать, очень подходили и ее духи, и ее выпендренное платье). Она открыла книжечку и наконец своими глазами увидела знаменитую марку жившего аж полтыщи лет назад знаменитого венецианца Альдо Мунция: дельфин, обвивший своим гибким туловищем якорь... «Гипнероптомахия Полифила». Венеция. 1499 год – таких вот книжечек, поди, и выпущено-то было всего ничего, а сколько их теперь осталось? Раз, два и обчелся? Нет, чего греха таить, именно книги Алла не любила, а вот толк в дорогих вещах понимала... И если разобраться – за что, собственно, Игорь драит сейчас бедного малого? Да эта книга, поди, в несколько раз дороже каких-то долбанных британских птиц! Может, и правда, как Димон догадался, Игорь ему по полной платить не хочет? А что – тогда Игорь, наверно, прав. Чего деньгами разбрасываться, если их при себе оставить можно?

Между тем «диспут» у Димона с Игорем был в самом разгаре.

– Не, ну ты чего, в натуре, командир? Чего мне ее -назад тащить, что ли? Сам же говоришь – эта... «Три богатыря». Значит, знатно толкнуть можно, нет, что ли?

– Ну баранина! – развел руками Игорь Альфредович, обращаясь за поддержкой к Алле. – Так и не въехал до сих пор, что глупость сморозил, что из-за этой книжонки нас всех за копчик взять могут!

Но Алла, вопреки ожиданиям, не кинулась его безоговорочно поддерживать, больше того, обидно оборвала:

– Подожди, Игорь, – и развернулась к Димону: – Давай лучше расскажи, как все было. Все по порядку рассказывай, понял? Как вошел, что там дед, долго ли ты пробыл – словом, все-все. И учти, от того, что ты расскажешь, и будет теперь зависеть расчет. – Она демонстративно

убрала со стола толстую пачку «зеленых», которую Решетников приготовил для расплаты со своими «руками».

Игорь Альфредович скривился – девка брала на себя слишком много. Но промолчал. Ладно, пусть этот идиот сначала расскажет все, что надо, а уж потом, когда они останутся вдвоем, он напомним ей, кто есть кто! Ей эта выходка даром не пройдет!

– Ладно, давай рассказывай, чего жмешься! – разрешил он. – Да не тyani, и так с тобой уже время теряем...

– Да чего особо рассказывать-то? Как договаривались – так все и сделал. Перво-наперво проверил окна. И у соседки свет не горит, и у деда. Правда, у деда все-таки какой-то слабый был в одной комнате, уж потом я понял – в спальне ночник. А с улицы и не поймешь, я даже подумал, свечка, что ли, горит...

– На телевизор не думал?

– Не, телевизор – он синим горит... Синим пламенем, ха-ха!

– Ну, ты поостри еще! – цыкнул на него Игорь Альфредович.

– Не, а чего он? – пожаловался Димон Алле. – Как будто я, блин, его гробанул... Ну вот, дело привычное, правильно? Поднялся я на этаж, послушал под дверьми. Все тихо. Ну и то сказать, время-то много уже, время-то самое подходящее для наших дел... Ну дальше я... А чего дальше? А, замки! Ну, как вы и говорили – верхний я на раз открыл, только не шпилькой, а пилкой для ногтей, в самый аккурат вошла, а нижний фомкой отжал, как вы говорили. Конечно, фигня, а не замки. Я даже удивился поначалу: коллекционер, такое богатство, а замки – тьфу. А потом, уже в квартире, разглядел: она у него, у деда, на охрану была поставлена: там, у двери, и проводки, и коробка сигнальная, а только, наверно, он денег, что ли, на охрану пожалел – ну, не подключена она.

Игорь Альфредович в этом месте рассказа сурово посмотрел на Аллу – ее промашка, сигнализацию охранную просмотрела. А если б была подключена? Если б сработала? Ужас!

– Вот на таких мелочах и горят лучшие люди! – заметил он вскользь, отыгрываясь за недавнее. – Да знаешь, что тебе полагалось бы сделать за такую промашку?!

– Ой, да ладно тебе, помолчи? – снова отмахнулась она от него, как от назойливого насекомого.

Нет, с этим надо было что-то делать – девка на глазах теряла к нему уважение!

– А ты чего тут, собственно, командуешь? – не на шутку разозлился Решетников. – Расселась – и командуешь! Твое дело – сгношить чего-нибудь еще на стол. Что мы, нелюди какие? Человек с дела пришел, а мы его даже не угостим?!

Алла, ни слова не говоря, поднялась со своего места, полезла в холодильник. Она открывала банки, резала хлеб, вытирала новую запотевшую бутылку, и все это – молча, но в то же время стараясь не пропустить ни одного слова из того, что рассказывал Димон.

– ...Ну вот. Я в прихожей постоял, послушал. Тихо, блин, только на кухне кран капает, да дед храпит. Ну, конечно, если б вы не предупредили, я вообще-то старика бы сразу вырубил – от греха, значит, чтобы лишнего не видел. Нет, не до смерти, а так... ну, вроде как анестезию бы дал, наркоз, гы-гы! Ну и все, чего еще рассказывать-то? Я к шкафу подошел, сразу, как вы говорили, на третью полку смотрю. Вижу, одна книга есть, прямо посерединке, а второй не видать. Ну, думаю, не могли же ошибиться ребята. Это я про вас так, про обоих, уж извините! Даже фонарь зажег – точно, одна стоит, вторую чего-то не видать. Я и выше посмотрел, и ниже – нету, блин. А главное, я-то думал, что шкаф мне открыть – раз плюнуть, а он тяжелее, чем дверь открылся. Такой замок, блин, старинный. Пока это я дотумкал, что ключи где-то рядом с дедом надо искать! Ну и нашел, ага. Ну, а дальше чего делать-то, нет второго тома, и нету! Взял я тот, который есть, ну и книжку, что рядом стояла, прихватил. Думал, какая разница – книга старинная, тоже может сгодиться...

– Так, стоп, – сказала Алла. – Давай еще раз. Ты хорошо книжку искал?

– Вот чтоб мне ссучиться – все, блин, перешарил. Она ж небось приметная... Ну нету нигде! Гадом буду, нету – и все!

Алла встала, прошла по кухне из угла в угол – думала.

– Я, между прочим, специально сегодня смотрела – стояли оба тома. Рядом.

– Ну и что? – угрюмо сказал Решетников. – Это ни о чем не говорит. Главное – у нас ее нету. Короче, Димон, подвел ты меня. Не могу я тебе все заплатить. Это я тогда сам в пролете буду. Мне за два тома покупатель обещал, а возьмет ли он один вообще – ба-альшой вопрос...

Димон аж посинел от такого поворота событий.

– Ну, блин! Я-то тут при чем? Вы меня навели, я дело сделал. А замели бы меня? Какая разница – нашел я книжку, не нашел – все равно срок бы корячился. Не, Альфредыч, так дело не пойдет!

– Мне две книжки про птиц надо, понял? А эту, вторую – можешь взять себе на память – все равно тебе навара с нее никакого не будет, потому как тебе ее не продать!

– Не, Альфредыч... – Димон был растерян, но сдаваться не собирался, – уговор же у нас... Я, блин, за вас на дело пошел, а вы мне за то – подлянку? Так вообще-то у людей не заведено. Это я и зуб на вас нарисовать имею право, и меня, между прочим, все поддержат...

– Ты на меня? Зуб? – ощерился Решетников. Он чувствовал себя вполне уверенно. Димон был самым настоящим сявкой – так, пошестерить чего на подхвате, серьезные воровские законы не про него писаны. Законы серьезных людей касаются. Но и Димон, который теперь знал слишком много, своего упускать не собирался.

– Так я тогда вам обе книги не отдаю, раз вы уговор нарушаете...

– А ну хватит! – вмешалась вдруг Алла и даже кулаком стукнула.

Оба спорщика сначала удивленно посмотрели на нее, потом друг на друга. Но она даже внимания не обратила на эти взгляды.

– Книжки были, – продолжила Алла. – Если пропали – только в самый последний момент, уже после моего ухода... Там дед говорил что-то насчет племянника – мол, сегодня племянник ко мне должен прийти... Познакомить предлагал... Я думаю так: если книжку кто и взял, то либо племянник, либо молодая соседка...

Димон слушал ее, открыв рот, какая-то мысль, чувствовалось, билась в его бедовой голове, просилась наружу.

– Племянник этот – его Ярославом звать, да?

– А черт его... А, да, вроде дед говорил – Ярик.

Димон заметно повеселел.

– Ладно тогда, – удовлетворенно сказал он и повернулся к хозяину: – Ну, а если я второй том принесу, Альфредыч – бабки как договаривались?

– Мое слово – железо, – сказал Решетников, демонстративно отсчитывая от припасенной заранее пачки «зеленых» половину. – Если хочешь – могу даже аванс дать, пятьдесят процентов. Остальное – потом.

– Не, блин, я частями брать не стану, я после все возьму, – отказался Димон, подумал. – Хотя нет, тыщу давайте сейчас. На текущие расходы. Знаю я, где эта книжка. Но только теперь цена будет не три тысячи, а пять. Сверх тыщи, понятное дело...

– Это за что же? Да пять... Ты знаешь, что такое пять тысяч баксов? За пять министра заказать можно! Три на все – и ни копейки больше!

– У них копеек нету, – хихикнул Димон. – А не хотите платить – не будет вам и книжки. И на фиг мне лапшу на уши вешать, что я сам их не толкану. Да за милую душу!

Алла поморщилась:

– Не жлобись, Игорь. А то и правда ни с чем останешься!

– Черт с ним, – махнул рукой Решетников. – Если принесешь – заплачу.

– Принесу, принесу! – весело сообщил Димон, вставая из-за стола.

Алла остановила его:

– Я надеюсь, ты не к старику?

– Не, совсем в другое место!

– И то хорошо, – кивнула Алла. Спросила: – А ключ ты на место положил?

– Какой? От шкафа? Конечно положил. И еще так, знаешь, книжки сдвинул, чтобы дырка в глаза не бросалась, авось не сразу старик заметит...

– Не страшно, – сказала Алла и повернулась к Игорю Альфредовичу. – Давай ему тысячу и пусть идет. Потом отпразднуем.

– Ты все рассказал, ничего не забыл? – спросил Решетников, прежде чем подтолкнуть к Димону пачку «зеленых». – Я тебя спрашиваю, потому как теперь все имеет значение. И все, между прочим, входит в цену.

– И бензин? – идиотски щерясь, спросил Димон. Он быстро пересчитал деньги, сунул их во внутренний карман. – Бензин тоже входит или нет? Я думаю, за бензин надо бы отдельно приплатить...

– А ну, катись отсюда, дебильная рожа! – сорвался Игорь Альфредович. – Обманешь – я у тебя и эту тысячу из глотки вырву, понял?!

– Во, блин, уж и пошутить нельзя! – хмыкнул Димон.

С этими словами он стремительно, словно боясь, как бы хозяин не начал выталкивать его взащей, махнул стакан водки, залез горстью в салат и, жуя на ходу, выскочил за дверь, крикнув напоследок с набитым ртом:

– Если что – сразу позвоню. Ждите!

Игорь Альфредович никак не мог отойти от злости. Ужасная страна! Все через это самое место! Как все было точно спланировано – и на тебе. Какая-то идиотская случайность, какой-то раздолбай в исполнителях – и вся с такими трудами выстроенная комбинация, все надежды летят в таргарары!

Он даже не услышал, как Алла подкралась к нему сзади – аж вздрогнул, когда она всем телом прижалась к его спине. Ишь, ластится.

– Хватит подлизываться, – недовольно отстраняясь, сказал он.

– Ну прости дуру, если что не так, – промурлыкала она. – Так хочется, чтобы все получилось, как ты мне обещал. – И положила волшебными прохладными руками на его лоб. Знала, подлая, как его взять?

– Ах, Лялечка! – вздохнул он. – Разве я этого не хочу? А тут этот идиот... Знала бы ты вообще, какая это сволочь, все эти фарцовщики, домушники, спекулянты. – Все это он говорил так убежденно, будто сам не был одним из них. – И ты тоже хороша...

– Да я-то чем провинилась? Я тебе наступила на самолюбие? Прости, дорогой!

– Да при чем тут мое самолюбие! Этот идиот тащит – видите ли, для ровного счета «Гиппероптомахию Полифила», альдину, отпечатанную в Венеции в 1499 году, а ты мне – про самолюбие! Да она, эта альдина, может, одна на всю Европу, она нам не только все дело завалить может – мы с ней загремим под фанфары да так, что и костей не соберем...

Она снова пустила в ход свои волшебные руки, успокаивая его.

– А мы не можем с тобой посмотреть на это дело с другой стороны? Ну, нет у нас с тобой двухтомника с птичками, так, может, мы твоему иностранцу эту самую альдину и впарим? Сам ведь мне говорил, что эти книжечки столько стоят, что можно наших пять-шесть жизней прожить и ни в чем себе не отказывать...

И снова Игорь Альфредович решительно оттолкнул Аллу, сказал, стараясь не смотреть на нее:

– Ну сколько ж я тебе должен одно и то же талдычить! Этот самый американец, или кто он там – он всего лишь посредник. А вот за ним – за ним стоит настоящий коллекционер. В чистом, так сказать, виде. И этот коллекционер – придурок, если хочешь, собирает только книги о

птицах, и ничего больше. Узко направленный интерес. Имеет право, потому как миллионер, а миллионеры имеют право на причуды, в отличие от нас, поняла? Так что альдина наша ему ни на хрен не нужна, насколько я знаю этих чудиков. Про каких-нибудь мошек, которых ловят его любимые птички, или про каких-нибудь бегемотов, которые дарят его любимым птичкам какой-нибудь особо калорийный навоз, – может, и купит. А «Гипнероптомахию» – нет. Теперь поняла?

– Вот теперь поняла, – кивнула она. – Что покупателя на единственную книгу, которая могла бы нам обеспечить настоящую жизнь, у тебя нет и не предвидится. А виновата в этом почему-то я! Оказывается, это все из-за того, что я пыталась с дурачком Димоном по-деловому разговаривать. Можно подумать, я меньше твоего хочу, чтобы все получилось!...

– Это ж надо так все перевернуть! – воскликнул Решетников, слегка ошарашенный таким неожиданным анализом ситуации. – И вообще, зачем все так прагматично поворачивать, Алла? Неужели без этих несчастных книг нас с тобой впереди не ждет ничего хорошего?

– Ладно, брось. Ты же знаешь – не люблю я всяких этих «вумных» слов. И между прочим, давно заметила: как начинаются «вумные» слова, так человек либо свою глупость, либо свою подлость скрыть пытается. Либо свое бессилие, не согласен? – И вдруг, без всяких переходов плюхнулась ему на колени, снова прильнула к нему, замурлыкала: – И не зови ты меня больше Аллой. Лялечка мне больше нравится!

– Ну и чего мы тут сидим-то? – спросил он, когда она наконец соизволила от него оторваться. – Может, спать пойдем?

– Ишь какой проказник, – игриво сказала она и, зная, что эта игривость обычно его раздражает, тут же снова облапила Игоря Альфредовича и прильнула к нему в страстном поцелуе. – Будет тебе и баиньки. Но разве ж ты не хочешь дождаться Димонова звонка?

– А чего его ждать, – угрюмо буркнул Решетников. – У меня на этого идиота надежды почти нет...

Она потянулась, засмеялась, налив себе коньяку.

– А я почему-то, знаешь, надежды не теряю. Ну, чего ты скуксился-то? Давай, давай, не кисни и не спи. Ждем Димонова звонка и тем временем размышляем вслух, куда книжка могла подеваться. Согласен?

Он все так же кисло кивнул ей, наливая при этом коньяку и себе тоже – если уж и в самом деле сидеть всю ночь, так хоть с комфортом. «Все-таки удивительная баба, – подумал он, любуясь Аллой, когда она слезла с его коленей и вдруг посерьезнела. – Да, если уж жениться – то только на такой. Хотя, конечно, ухо остро надо держать все время...»

– Ну что, начинаем деловую часть нашей программы? – спросила она. – Книги я видела сегодня днем, то есть уже вчера – обе. Специально разглядывала заветный дедов шкаф, чем, надо сказать, возбудила в нем ненужную подозрительность, хотя вообще-то он ко мне неровно дышит... Слу-ушай, а может, мне бросить тебя, да переключиться на этого Краснова? А что? Годик-другой – молодой вдовой стану, вступлю в наследство... Вот и красть ничего не надо будет, а? Как смотришь?

– Да я тебя лучше своими руками задушу! – напыщенно отрезал он.

– Да ладно, шучу, – кивнула она, делая вид, что поверила этой страстности. Почему не сделать человеку приятное? – Все равно мне ничего не светит, если подумать. Там две бабы все время толкутся, соседка и ее дочь. Да еще племянник. И все, поди, на дедово наследство зубы точат.

– Ну и как, по-твоему, могли книгу взять соседки? Либо та, либо другая? Ну не обязательно своровать, а так?

– Мне, хоть убей, как-то не верится, что они могут что-то чужое взять вообще. Это, знаешь, такие старые мАсквички... Как бывают старые петербуржки, да? Или петербуржанки?

Это какая-нибудь приезжая лимита может тащить, а эти нет. Они ж у себя дома. Это все равно что у себя же в квартире на паркете кучу навалить, понимаешь?

– Да понимаю я, понимаю? Значит, старая не может взять, не то воспитание, так? А молодая?

– И молодая тоже. Хотя она мне вообще-то какая-то непонятная. Я сначала даже решила, что она путана. А потом смотрю – нет, просто с гонором бабенка. Гордая, понимаешь? Это большая, между прочим, редкость. И очень уж упакована. Может, хахаль какой крепкий, а может, сама хорошо устроена...

– А как по-твоему, если работает, то – кем?

– Вообще-то на журналисточку смахивает, но у них зарплаты... На платье от Бенатти не хватит, это точно.

– Значит, чисто теоретически могла все же взять?

– И теоретически не могла. Знаешь почему? Во-первых, чистоплюйка. Во-вторых, деда с детства знает. Он ей все Машенька да Манечка. Я даже, грешным делом, подумала: уж не родственники ли...

– Ну и что у нас с тобой осталось в сухом осадке? – почесал затылок Игорь Альфредович, наполняя свою и ее рюмку – теперь, дескать, можно, заработали.

– Остался племянник. Он же наследник. Как я поняла, они давно не виделись и дед ему сам позвонил. «Ярик должен прийти, Ярик»...

– А ты его видела? – на всякий случай уточнил Решетников.

– Видеть не видела, – помотала она головой, – а слышать слышала. Молодой малый. – Дед меня с ним даже познакомить хотел... Вроде как учился где-то, а вроде как бросил... Похоже, в деньгах нуждается...

– Ну, студенты все нуждаются, – равнодушно заметил Игорь Альфредович, думая про себя о том, что если Димон вернется ни с чем, то искать придется именно здесь – он был в курсе, почему бывший студент Ярослав Завьялов остро нуждается в деньгах. – Но, однако ж, какой дед-то, оказывается! – нехорошо засмеялся он, притягивая Аллу к себе. – То сам в женихи набивается, то племянника подсовывает...

Ночью, когда они, горячие, расслабленные после любовных игр, лежали, отодвинувшись на разные края постели – было невыносимо жарко, хотелось пить, курить, спать, она вдруг сказала, словно и не было у них перерыва в том, начавшемся после ухода Димона разговоре:

– Слушай, как ты думаешь, почему этого заморского деятеля интересуют именно птички? Ведь вон хотя бы у того же Краснова – у него редкости и поценнее есть...

– А этого иностранца поценнее не интересует, – усмехнулся Решетников. – Его имидж интересует, понимаешь?... Ну вот представь, как будто это все у нас в России. Грабил, грабил человек, занимался рэкетом, может, даже заказывал кого, а потом раз – остепенился. Захотел в Думу попасть или там чего... Не преступником считаться, а общественным деятелем... Не слышала про такое?

– Сколько угодно!

– Ну и что тогда человек делает? Правильно, создает себе новый имидж. С уголовщиной – ни-ни, честь делового человека для него что? Главная заповедь. Ну и, конечно, спонсорство всякое, благотворительность. Ну и, конечно, чудачества. Какой же он опасный человек, если он команду КВН в Москву послал на свои деньги, или художников местных поддержал, или инвалидов, или детский сад... Понимаешь? Для него невинность становится дороже, чем для невесты!

– Больно нужна тебе была моя невинность! – хихикнула Алла, кладя на него свою роскошную ногу.

– Ладно, ладно, сдаюсь, – засмеялся он, чувствуя, как плоть начинает оживать независимо от его воли. – Мне твоя невинность – как зайцу барабан, ты мне без нее гораздо больше нравишься!

– Ладно, замнем, – великодушно согласилась Алла, снимая с него ногу. – Значит, говоришь, ради имиджа, так? Невинность, репутация и все такое... Это я понимаю. Но вот наши птички – они разве для этого дела годятся? Ведь мы же с тобой совершили самую настоящую кражу, да еще не просто – в составе созданной с преступным умыслом группы. Ведь за это хороший срок припать могут, тем более с нашими-то судимостями... И он, твой иностранец, не может об этом не думать, верно?

Решетников поднялся на локте, с интересом посмотрел на нее. Да, красивая бабенка, ничего не скажешь, а какая зарюханная, какая несчастная была полгода назад, когда он ее только встретил. И, главное, котелок варит как надо, если не считать того, что как-то глупо вести такие разговоры в голом виде...

– Ну, во-первых, тот, с кем я имею дело, – всего лишь посредник, сто раз уже объяснял. А значит тот, кто книги заказал – вообще ни к чему такому... нечестному заранее причастен быть не может. Во-вторых, ты что же думаешь, что я этому Петерсену сказал: готовьте, мол, денежки, я для вас этих «птичек» украду? За кого ты меня держишь, цыпа моя! Я ему изложил свою версию, а версия моя такая: Краснов на старости лет сам решил продать свои книги. Кризис в стране, то-се, старику пенсионеру живется трудно, а кроме того, захотел передать книги родственной душе, в надежные руки. Так что и я, можно сказать, всего лишь посредник...

– Не расскажешь, как тебе это удалось? Бумажки ведь, поди, какие-то для убедительности потребовались, документы...

– Тебе-то зачем знать? Для расширения кругозора? Думаешь, когда-нибудь пригодится? Вряд ли, дорогая. Если у нас с тобой это дело выгорит – все, мы больше к уголовщине и за километр не подойдем!

– Зарекалась ворона говно клевать, – задумчиво сказала Алла. – Ай, не обращай на меня внимания. Это так, мысли вслух... Что-то курить ужасно хочется, да и выпила бы я чего-нибудь для поднятия тонуса. Твой тонус как? – Она провела рукой внизу его живота. – Видишь, надо, надо тонус поднять!

Они, как были голые, перебрались на кухню. Алла сидела, дразня его – одна нога на полу, вторая на табуретке.

– Да хрен с ним, с этим Петерсеном, правда, Игорек? – залихватски сказала она, наливая ему и себе. Коньяк тепло желтел в пузатых бокалах, обещая согреть, расслабить. – Позвонит он сегодня, собака, или нет? – прошептала вдруг она словно про себя.

Они выпили, но вместо того, чтобы чем-нибудь зажевать алкоголь, она заговорила снова:

– В Америке этой гребаной, или откуда он, этот самый Петерсен, наверно, и вправду можно позволить себе честно жить. А у нас? – Алла с жадностью закурила, продолжила, не глядя на него и пуская дым к потолку: – Но вот у них там аукционы эти знаменитые – Сотби, Кристи... И что, ты мне скажешь, что там не торгуют ну... как бы это поделикатнее – сомнительными вещами?

– Вот именно, что сомнительными, – кивнул Игорь Альфредович. – Да, они работали честно, эти аукционы, старались, во всяком случае. До тех пор, пока в Европу не повалили наши дорогие соотечественники, новые русские, так их!

– Не смотри на меня, – словно не слушая, прервала вдруг она, встала и подошла к холодильнику, нагнулась, выискивая что-то в его освещенном чреве.

Какое там не смотри!

– Ну, и что ты замолчал-то? – невинно спросила Алла, возвращаясь к столу с двумя большими помидорами и баночкой майонеза. – Ужас как помидоров вдруг захотелось! Ну, так что ты замолк? Я тебя очень внимательно, между прочим, слушаю!

– Как новые русские подвалили – так сразу все изгадили, испоганили, нувориши, ублюдки безмозглые... Поначалу наши толстосумы так вздрючили цены, что у Европы бедной волосы встали дыбом. Хватали и хватают все, что под руку попадет. Все скупают! – снова начал он, замороженно глядя на то, как при каждом ее движении шевелятся, живут над столом своей собственной жизнью ее красивые груди. – Государство, музеи – не могут даже прислать на аукцион своего представителя, не то что купить, а эти – метут все подряд. И кто, Аллочка, кто? Артисточки, певички или ворье! Да раньше такую публику и на порог бы...

– Артисточки, значит, не тот покупатель, а ты, значит, в самый раз, да? – усмехнулась Алла. – Сам-то ты кто?

– Я?! – довольно искренне изумился Игорь Альфредович. – Да в моем роду, если хочешь знать, были бароны и даже графы. Моя фамилия – Решетников – в Бархатной книге!

– Слышала я про эту вашу Бархатную книгу, слышала. И всегда удивлялась: если вы там все были, в этой книге, чего ж вас Советы всех не перешлепали? Как удобно: открыл книгу – и вот тебе готовые списки. А? – Она захохотала. – Ну ладно, ладно, не обижайся... граф. С какой только стати ты, потомок аристократов, в откровенную уголовщину полез? Ну-ну, не злись, я ведь это любя, я ж не просто твоя поделыщица, я твоя женщина! – И снова замурлыкала, придвинулась к нему, обдав его тело горячим жаром.

– Ах, дьявол, – пробормотал он. – Ты из меня веревки вьешь, Лялюся! Я просто молодею с тобой и душой, и телом...

– О! Где-то я эти слова сегодня уже слышала. А, да! Представь, то же самое говорил мне старик Краснов. Как это у вас, книжников, называется? Конгениальность?

– Я тебе не книжник, и незачем флиртовать направо и налево с какими-то стариками, за которыми ты выносишь утки!

– Ну вот, видишь, сразу и хамить. А делал вид, что любишь...

– Одни наши сволочи продают перекупщикам сказочные ценности за гроши, – бормотал он, словно не слыша ее, словно решая какую-то свою задачу, – а другие идиоты, с мощной, скупают всякое европейское дерьмо за огромные деньги! Пришли – и все равно что испортили воздух в приличном обществе. Я, может, и плохой человек, и стал на одну доску с ворьем, но я с этой сволочью буду бороться, как могу! Мне заказал Петерсен два тома «Птиц Британии», и я ему их устрою, пока какой-нибудь бездарный наследник не сплавил их за гроши на аукцион! Вот ты говоришь – почему именно эти книги? Не знаю. Почему Гиммлер любил кроликов? Но, судя по тому, что этого клиента еще интересуют «Птицы Америки» Одобона, полагаю, что этот чудак питает сентиментальную слабость к птицам. Кстати, в этих книгах чудные гравюры на дереве... Вот ты спрашиваешь...

– Я спрашиваю, – снова довольно бесцеремонно прервала она его, видно, устав ждать сообщений от Димона, – мы что – так всю ночь и будем проводить здесь производственное собрание? Пойдем, пойдем в постельку, дорогой, – снова, замурлыкала она, доводя Игоря Альфредовича до мурашек своими касаниями. – Ты сейчас успокоишься, ляжешь баиньки, а перед тем, как сделать баиньки, мы твоего застенчивого петушка кое с кем познакомим...

И, конечно, телефонный звонок раздался совсем не вовремя, когда его уже не ждали ни он, ни она. Игорь Альфредович прервал свой ночной подвиг, перевесился через подругу и схватил трубку.

– Готовь бабки, шеф! – проорал Димон. – Дело сделано! Второй том у нас!

– Молоток! – возликовал Решетников. – Там у тебя все чисто?

– Абсолютно без проблем!

Игорь Альфредович положил трубку и накинулся на хотевшую что-то спросить Аллу, заткнул ей рот поцелуем. Потом все же сжалился.

– Что ты хочешь, дорогая?

– Когда приезжает Петерсен? – спросила она.

– Послезавтра. Так что в сроки мы с тобой вписываемся!

## Глава 3

Давно известно: как день начнется, так он и покатится дальше – либо со знаком «плюс», либо со знаком «минус», и редко когда эту предопределенность что-то изменяет... То есть нельзя сказать, чтобы день для него, государственного советника юстиции первого класса Константина Дмитриевича Меркулова, начинался очень уж неприятно или, вернее сказать, необычно неприятно – все как всегда, если не считать того, что утром, стоя в пробке на Садовом, он услышал по «Авторadio» об отставке своего следователя по особо важным делам Бирюкова, занимавшегося совместно с люксембургской прокуратурой громким делом, связанным с коррупцией в высших эшелонах российской власти. То есть опять же сам по себе этот факт не был чрезвычайным, отнюдь – в чехарде последних лет с непривычной для нормальной жизни скоростью менялись даже генеральные прокуроры и министры юстиции, так что уж говорить о каких-то там следователях... Чего-то подобного он, честно говоря, ждал, но ждал несколько позже, после приезда люксембуржцев с кипой изобличающих документов. Однако снятие Бирюкова было внятным сигналом для него, Меркулова: во-первых, это именно он дал ход «кремлевскому» делу еще при прежнем Генпрокуроре и прежнем Президенте. Дал, несмотря на то что умные люди настоятельно советовали ему не высовываться (и были, надо сказать, правы! Другое дело, что он никогда умных людей не слушал и слушать не собирался). Во-вторых, Коля Бирюков вообще был его выдвиженцем и симпатией. Парень – службист, вне политических игр, надежный и неподкупный до глупости, ей-богу... И вот на тебе... Да, похоже, ему сегодня предстояла неизбежная встреча с новым шефом, с только что назначенным Генеральным, и встреча эта, судя по началу дня, могла оказаться очень... – он даже про себя не знал сейчас, как ее точнее охарактеризовать, – очень напряженной. Ну что, отставка, господин Государственный советник юстиции первого класса? Что ж, отставка так отставка. Это раньше она была бы невозможной трагедией, при совласти, а сейчас... Сейчас, глядя на то, что поминутно происходит вокруг, не на улице, нет, улица – это само собой, это работа, – а на то, что происходит в верхних эшелонах власти, в коих и он с некоторых пор имеет свое литерное место, Константин Дмитриевич не мог время от времени не проигрывать возможные варианты завтрашнего дня, а стало быть, имел в голове и сценарий развития событий по самому худшему. Этот худший вариант выглядел примерно так: его вызывает Генеральный и приказывает прикрыть «кремлевское» дело, спустить его на тормозах. Но позвольте, говорит ему тогда он, Меркулов, – а как же закон? Я не могу спустить это дело на тормозах! – скажет Меркулов. Тогда Генеральный пробурчит, угрюмо глядя мимо него: «Стало быть, можете писать заявление об отставке, раз не хотите понимать реального положения вещей». Чуть что – все сразу ссылаются на реальное положение вещей, как будто нет ни конституции, ни свода законов, как будто и не было всех тех лет, что прошли после развала Союза... Ну, хорошо, услышит он все это, и что дальше? Проглотит, останется и начнет привычно подстраиваться под новое начальство, забыв о принципах, которые, как известно, не кормят?

Несмотря на пробки, приехал он к себе на Дмитровку вовремя. Прошел, здороваясь на ходу, коридором третьего этажа, слава богу, не встретив по дороге никого из верхнего синклита, и с легким изумлением обнаружил в своем предбаннике весело улыбающегося ему навстречу Турецкого. Следователь по особо важным делам, похоже, развлекал тут его секретаршу, потому что той понадобилось несколько мгновений, чтобы вернуть лицу то официально-замкнутое выражение, которое Константин Дмитриевич видел на нем с утра до вечера. А если честно, он его просто не замечал, это выражение, как почти не замечал и саму владелицу лица; чего уж лукавить, она жила в его сознании как какое-то не вполне одушевленное существо, не имеющее ни пола, ни индивидуальности, ни какой-либо иной жизни, кроме служебной, наверно, как раз потому-то выражение лица, которое она не до конца от него успела

скрыть, и остановило его внимание. Тем более что рядом отсвечивал Саня Турецкий, визит которого вовсе не планировался. Стало быть, его привели сюда обстоятельства чрезвычайные. Ну, и какие же? Уж не снятие ли Бирюкова?

– Привет честной компании, – сказал Меркулов, подозрительно шуря глаза и идя к Турецкому с протянутой для приветствия рукой. Осведомился на ходу на всякий случай у секретарши: – Хозяин еще не спрашивал?

– Да что вы, Константин Дмитриевич, – ответила та, – еще ведь без двух минут десять!

Вообще говоря, это было уже амикошонство – получалось, что секретарша как бы обсуждала с ним достоинства нового начальства: разве ж, мол, он может появиться раньше начала официального рабочего дня, этот дундук? – вот как примерно можно было толковать ее слова. Но, хотя, вообще, такое начинание следовало пресечь на корню, Константин Дмитриевич сделал вид, что ничего не заметил.

– Значит, не вызывал? – переспросил он. – Ну и ладно. – И переключился на Турецкого:– Ты чего тут сидишь с утра пораньше? Дело или так, проведать забрел?

– Ага, проведать, – согласился Турецкий, вставая.

– Ну, пошли. – И Меркулов гостеприимно распахнул перед старым другом дверь своего кабинета.

– Ты, Саня, все же чего прибежал-то? – снова спросил он, когда они остались вдвоем. – Давай говори с ходу, а то мне вот-вот, думаю, совсем не до тебя будет.

– Вот потому и прибежал, – хмыкнул Александр Борисович, пытливо взглядываясь в лицо друга.

Тот так же пытливо в свою очередь посмотрел на него.

– Ты, никак, жалеть меня прибежал, что ли? Ты чего, Саня?

– Ну да, тебя, пожалуй, пожалеешь, бугая такого! – уклончиво ответил Турецкий. – Тут в пору о своей собственной шкуре заботиться, а ты все о себе да о себе, любимом... Ты лучше скажи по старой дружбе – что происходит-то? На каком мы сегодня свете?

– А что такого особенного происходит? – невинно изумился Меркулов.

– Да ты чего Ваньку-то валяешь, Костя? Ты мне еще лапшу на уши повесь, будто ничего не знаешь о снятии Бирюкова!

– Ну, знаю. Не пойму только, тебя-то что взволновало?

– Так ведь он же твой назначенец, Колька-то Бирюков, разве нет? Разве не ты, старик, курируешь это долбаное «кремлевское» дело? За него же, за дурака, беспокоишься, а он...

– Ага, значит, все-таки пожалеть пришел!

– Ладно тебе! Жалеть, сочувствовать – это все слова. Во-первых, пришел спросить, не нужно ли тебе чем помочь. Если мы со Славкой можем тебе помочь – ты скажи. За нами, как понимаешь, не заржавеет. Это одно. А во-вторых, пришел я к тебе, чтобы понять – с твоей, конечно, высокоумной помощью, – мы что, снова в прошлое возвращаемся? Нет, ты морду-то не вороти! Могу я тебя, блюстителя закона, спросить об этом? Ведь что выходит: раз начальство ворует – ты его трогать не моги! Генеральный зацепил верхнее начальство – его раз, и скинули. Ты назначил следователя, только он к жареным фактам всерьез приблизился – его раз, и на заслуженный отдых. А теперь вот тебя через коленку гнуть будут, верно? Мигнул кто-то в Кремле – и нету никакой наверху коррупции, и нету уворованных у казны, у народа сотен миллионов долларов.

Меркулов поймал себя на том, что слушает друга с каким-то явно мазохистским удовольствием: знал, что Саню надо бы остановить – ведь наверняка у него в кабинете уже стоит прослушка, во всяком случае, такое вполне возможно, долго ли сунуть тут куда-нибудь «жучка», – но, честное слово, не хотелось прерывать все эти страстные словоизвержения. Ведь точно так же, наверно, выпускал бы пар и он сам, если бы сидел не в своем кабинете, а где-то еще, да за кружкой пива...

Так что внезапно затрезвонивший на его столе городской телефон был в этой ситуации даже каким-никаким спасением: звонок если и не помогал с ходу разрядить обстановку, то, по крайней мере, остановить монолог Турецкого смог сразу же. Надо же, Саня-то! Завелся, как комсомолец! Молодой еще, черт! Но на всякий случай Константин Дмитриевич все же поднял руку, призывая друга помолчать, пока он беседует.

– Константин Дмитриевич, – услышал он голос секретарши, – я не стала сразу докладывать, думала, что это не очень важно. Вам уже третий раз звонит какой-то ветеран, говорит, что он друг вашей семьи, и просит уделить ему всего две минуты. Что мне ответить?... Очень человек просит...

– Как его фамилия? – спросил Меркулов, машинально переверачивая листок стоящего перед глазами перекидного календаря и глядя, чем расписан сегодняшней день.

– Краснов. Антон Григорьевич Краснов. Говорит, что он хорошо знал вашего отца...

– Переключите его на меня, – прервал секретаршу Меркулов.

Имя Краснова говорило ему многое. Когда-то, в те годы, когда он еще был школьником, Антон Григорьевич нередко бывал у них в доме, и Косте хорошо запомнилась и вся его необычность, и его таинственность, и его необыкновенные рассказы об отчаянных людях редкого ума – он собрал целую коллекцию таких людей, если можно так выразиться. Все они были, конечно, чекисты, как вроде бы и сам Антон Григорьевич, но какие чекисты! Как из древних сказаний, из легенд. Один, чистый оперативник, то есть человек, умеющий стрелять, выслеживать, драться, ловить – получив новое, необычное для него задание, год читал книжки по теоретической физике, чтобы на равных разговаривать с учеными, и освоил нелегкий этот предмет до такой степени, что однажды вступил в научный спор с самим Ландау (теперь, правда, интересно было бы уточнить – по одну сторону колючей проволоки был этот диспут или она все же разделяла спорщиков). И мало того, подготовившись таким образом, этот человек уехал в Штаты, внедрился там в 1944-м в знаменитый Лос-Аламос, вступил там в диспут с другим гением, работавшим на американцев, и так очаровал его, что через некоторое время сагитировал плюнуть на американцев и сбежать на постоянное местожительство в СССР, во как! Другой человек-легенда под видом колбасника просидел в Германии с 33-го года, сумел освоить все диалекты немецкого языка, что дало ему возможность стать необыкновенно ценным информатором, а потом, изображая из себя жертву нацистского режима, проработать добрых два десятка лет в Америке и освоить там все диалекты американского английского, что впоследствии помогло ему сделаться выдающимся ученым-лингвистом, хотя сам он больше гордился тем, что стал по возвращении председателем комитета ветеранов, выколачивая для бывших сослуживцев жилье, пенсии и места в привилегированных больницах...

Телевизоров тогда еще было мало, и люди, собираясь в гостях, много разговаривали, развлекали друг друга как умели. За столом Антон Григорьевич славился не только как рассказчик. Костя, например, больше любил, когда он показывал фокусы. Фокусы, как он сейчас понимал, были простенькие, но они создавали «дяде Антону» имидж человека воистину необыкновенного, что усугублялось тем, что фокусам этим учил его «сам» Вольф Мессинг. Кто такой Вольф Мессинг? У, брат! Это был кудесник тот еще – сначала вокруг пальца чуть ли не самого Гимmlера обвел, а потом и ужасного Лаврентия Берия, хотя тот на метр под землей все видел. Видеть – видел, а вот не поверил, что Мессинг так «отвел» немцам глаза, что они его из самой страшной берлинской тюрьмы по пустой бумажке выпустили! Как по бумажке? А очень просто – он идет и каждому постовому показывает пропуск, подписанный Гимmlером, – разрешение на выход из тюрьмы. Берия говорит: сказки! Тогда Мессинг говорит: разрешите? Берет у него со стола лист бумаги, складывает его пополам, спрашивает у Лаврентия: разрешаете демонстрацию? Тот говорит: да-да, конечно! И вот Вольф идет через все Лубянского здание, и все видят у него в руках пропуск на выход, подписанный самим Берией! А никакого пропуска у него и в помине нету, просто лист чистой бумаги...

– А чего ж он не бежал? – спрашивал захваченный этим необыкновенным рассказом старшеклассник Костя. – Если он вышел?

– А куда ему было бежать? – усмехался Антон Григорьевич. – От КГБ, брат, не убежишь...

Мать, когда начинались за столом эти байки о суперталантливых чекистах, тревожно смотрела на отца – она знала, как отец дома говорит о Лубянке, где ему некогда довелось побывать, что называется, не по доброй воле, и отец всегда успокаивающе накрывал ее руку своей. Костя не помнил, когда Антон Григорьевич появился у них в доме, это было, наверно, в самом начале хрущевских времен, во всяком случае, сопоставляя сейчас кое-какие факты, вспоминая, как отец говорил матери: «Он мне помог, когда был в силе, и я ему должен помочь, когда он в немилости». Меркулов понимал, что отец чувствовал себя чем-то Антону Григорьевичу обязанным. Смутная история о том, как Дмитрий Сергеевич Меркулов был в первые послевоенные годы арестован по подозрению в контрреволюционной деятельности, а потом неожиданно для всех освобожден, потому что следователь оказался вполне приличным человеком и так же, как и отец, страстным собирателем книг, – эта история нет-нет да всплывала иногда в их доме. Во всяком случае, Константин Дмитриевич, собиравший ее для себя по кусочкам, в конце концов смог восстановить ее полностью. И действительно, оба они – и Антон Григорьевич, и отец – особенно любили говорить о книгах, и тут им чаще всего приходилось вылезать из-за стола, уединяться, чтобы не мешать всем остальным своими фанатично-самозабвенными рассказами о фолиантах, инкунабулах и палимпсестах, издательстве Сабашниковых, библиотеке Вольтера, местонахождении книг Ивана Грозного...

Как бы то ни было, Антон Григорьевич Краснов не был ему чужим человеком, и, конечно же, выслушать его, хотя бы ради того, чтобы почтить память отца, Константин Дмитриевич был обязан.

– Костик! – услышал он в трубке невеселый голос старика. – Я не отвлек тебя ни от чего? Ты не думай, я еще все пока понимаю, я много времени у тебя не отниму...

– Да что вы, что вы, Антон Григорьевич! Я всегда рад вас слышать. Как вы себя чувствуете?

В трубке возникла пауза, сопровождаемая каким-то скрипом, каким-то кряхтеньем.

– Эх, Костя, неважно я себя чувствую, годы, мальчик, годы берут свое... Тебе этого еще не понять... Но давай не будем о моих болячках, ладно? Я ведь сам, можно сказать, судейская крыса, знаю, что такое заместитель Генпрокурора, да еще в такое смутное время...

– Ну уж, вам ли про время-то? – засмеялся Константин Дмитриевич. – Разве нашу смуту с вашей сравнишь? Ну, так что вас заставило мне позвонить? Ведь не просто желание поговорить о том, что было раньше и что случилось теперь, верно?

– Ох, Костя... Ограбили меня... Понимаю, что не совсем по адресу, да больше мне вроде и кинуться не к кому... Как будто кто-то знал, что я больной, что я одинокий... Я думаю, пришли ночью, сволочи, а я после уколов – как в беспамятстве сплю... И, главное, что взяли-то! Не деньги... взяли несколько книг, понимаешь? И, главное, у меня даже нет сил проверить, сколько именно их пропало.

– Это что – очень дорогие книги? – сочувственно спросил Меркулов.

– Целое состояние, Костя. Но разве в цене дело? Ведь книги – они для меня как дети. – Он чуть не плакал. – Прости, что отвлекся... Я пока обнаружил пропажу четырех, но таких ценных, что нисколько не удивился бы, если бы оказалось, что больше вообще ничего не украли! Однако украли и еще, и я даже не знаю, как с этим быть и как тебе рассказывать. – Теперь слезы в словах старика звучали совершенно явственно.

– Ну расскажите как-нибудь, – поморщился Меркулов, показывая Турецкому глазами: извини, мол, бывает. Старик со своей обстоятельностью явно не вписывался в их напряженную жизнь. – Надеюсь, я пойму.

– Ты слышал, наверно, о папке из бременского Кунстхалле? Уже, кажется, все газеты писали, по телевизору показывали...

– Что-то вроде слышал... А, про капитана, который привез в качестве личного трофея папку рисунков Дюрера... Дюрера, кажется, да?

– Совершенно верно. Ты, Костик, правильно все вспомнил. Так вот, про это, конечно, никто не пишет и по телевизору не показывает, но два рисунка из этой папки в свое время оказались у меня. Не спрашивай меня как, хорошо? Главное, когда я услышал, что есть намерение передать рисунки немцам, то приготовил свои, чтобы переслать их в Министерство культуры, имея в виду, что их присовокупят... Так вот, конверт с этими рисунками Дюрера пропал тоже!

– Подождите, подождите, Антон Григорьевич, – вдруг проснулся в Меркулове сыщик. – Почему вы решили, что вас именно обокрали? Ну, убирались и переложили с места на место... И потом, даже если принять версию, что вас обокрали, – почему вы считаете, что если вас обокрали, то это произошло только что? – Вопросы эти имели и второй, скрытый смысл: послышалась ему в жалобе Антона Григорьевича какая-то старческая мнительность. Конечно, вслух бы он этого не сказал, но не подумать не мог: возраст у человека, голова уже не та, мало ли что там могло произойти на самом деле...

Но Антон Григорьевич тут же и развеял эти его сомнения.

– Ты понимаешь, Костик... замки! Замки у меня старые, несовременные. Один – типа английского, сам защелкивается, как в «Двенадцати стульях». А второй – только ключом. Хоть изнутри, хоть снаружи, но только ключом. За мной тут женщина одна присматривает, соседка... Ну, это неважно. Так вот, она утром пришла, а замок открыт. Она мне сразу сказала, да я как-то значения не придавал, а потом, как пропажу-то обнаружил – вспомнил...

– А как вы ее обнаружили?

– Да все конверт этот с рисунками... Он у меня в шкафу стоял, где самые ценные экземпляры...

Старик снова был готов рассказывать о том, как он относится к своим сокровищам. Константин Дмитриевич пресек этот позыв на корню:

– А не могло так получиться, что замок просто не закрыли?

– Могло, конечно, – не стал спорить старик. – Но мы с соседкой уже посмотрели, хотя ты даже не представляешь, Костик, каких трудов мне после уколов стоит добираться до двери... Так вот, рядом с этим замком – следы взлома. Орудовали, похоже, фомкой, каким-нибудь ломиком. Ответная часть замка выдрана чуть ли не с мясом... Просто ужас, какое время настало, Костик... Никогда так не было, честное слово...

– Так, насчет взлома вы меня, пожалуй, убедили, дядя Антон, не обижайтесь – профессия такая, все на зуб пробовать. Да что я вам объясняю... Теперь вот вы что еще мне скажите, только опять же умоляю вас не обижаться... Почему бы вам не обратиться для начала, скажем, в местное отделение милиции? В свое? А я бы им позвонил, проконтролировал, чтобы все было как надо. А? Только поймите меня, дядя Антон! Я вовсе не отказываю вам в помощи, упаси господь! Но я же прокурор, а здесь нужен нормальный следователь, «с земли», как мы говорим. Он мигом включится в дело, выявит всех, кто мог оказаться причастным... А может, и как-то иначе, по своим каналам выйдет на похищенное...

– погоди, погоди, Костик! Я, конечно, давно уже не орел, но и в маразматики пока не записывался. Я ведь почему позвонил тебе? Как раз потому, что мне в обычную милицию обращаться ну никак не с руки... Я думаю, если ты захочешь – ты меня поймешь. Коллекция – это ведь дело такое... не всегда ко мне попадают предметы... как бы это сказать... чистые. Это не значит, что я скупаю краденое, но бывает, бывает, что и согрешишь перед совестью... Мы, коллекционеры, люди не вполне нормальные, это верно... Но я другой раз думаю в таких случаях: у меня вещь целее будет. А потом все равно ведь вернется государству... А что, потвоему, лучше б было, если бы какой-нибудь жулик музейную или библиотечную вещь за гра-

ницу продал? Вот хоть тот же Дюрер... Он ведь не совсем законным способом ко мне попал, но у меня он целый и сохранный... был... И, кстати, если кто-то разнюхает, что эти листы похищены – это целый международный скандал, поверь мне, Костя!

Меркулов подумал, что уж сейчас-то он точно должен кончать этот разговор: старик явно уговаривал его, заместителя генпрокурора, узаконить право коллекционера на приобретение краденого. Потому и милицию привлекать боится. Стало быть, милиции боится, а генпрокуратуры нет? Просьба старого друга семьи ставила его в ужасно неловкое положение: и согласиться нельзя, и отказать старику он тоже не вправе. И тут же, едва старик снова заговорил, понял, что снова ошибся, подумав об Антоне Григорьевиче не совсем хорошо.

– Ах, Костик, – сказал тот, – самое-то ужасное, что я все время думаю, что кражу мог совершить только кто-то из своих!

Как все просто! Старик боялся, что расследование выведет на кого-то из его близких. Да, это действительно может надолго выбить из колеи, лишит душевного покоя... Кроме того, в таком случае, если пойти по официальному пути, этого близкого человека придется привлечь к уголовной ответственности по всем правилам... Да, положение у старика – хуже губернаторского. И все же заместителю генпрокурора в это дело всерьез ввязываться нет никакого резона... Так что Меркулов даже обрадовался отвлекающему звонку по внутреннему телефону – по тому самому, по которому сейчас мог ему позвонить только один человек – Генеральный. Ну вот, нашлась дорогая пропажа, подумал он, снова бросив косою взгляд на все так же терпеливо ожидающегося Турецкого. Может, его, Саню, отправить к деду? – мелькнула мгновенная мысль и пропала. Но зато тут же возникла другая, более толковая: Денис Грязнов. Денис, вот кто подойдет для этого дела идеально. Денис с его частным детективным агентством «Глория».

– Одну секундочку, – сказал он в трубку городского. – Подождите чуть-чуть, Антон Григорьевич, тут у меня другой телефон...

Да, это был новый Генеральный. Суров, неприветлив, не считал даже нужным поздороваться – просто сообщил, что прямо сейчас ждет его у себя в кабинете, и бросил трубку.

– У-уф! – выдохнул Меркулов, выразительно посмотрев на все понимающего Турецкого. – Ну вот, выходит, не зря ты меня жалеть приехал! – бросил он ему, прикрыв микрофон городской рукой. И вернулся к разговору с Красновым: – Антон Григорьевич! Тут, к сожалению, у меня несчастье – начальство к себе вызывает. Я вам потом перезвоню, хорошо? Если сам не смогу подъехать – кого-нибудь подошлю. Обязательно. Приедет человек, чтобы разобраться во всем на месте, сошлется на меня. А вы ему расскажете, что к чему во всех деталях. Хорошо? А может, если время позволит, я сразу сам с кем-нибудь приеду, со следователем, я имею в виду. Не возражаете?

– Какие могут быть возражения, Костик! – бодро откликнулся старик. – Я все понял, больше не задерживаю тебя, и так уж сколько времени у тебя отнял. И уж помоги, пожалуйста, если сможешь...

День выдался такой, что до самого вечера о звонке Антона Григорьевича и вспомнить было некогда – сначала нелегкий, прямо скажем, разговор с Генеральным, потом надо было предпринять кое-какие усилия, чтобы умно и дипломатично вывести из-под удара все, что было наработано Колей Бирюковым, потом у него была плановая встреча с прокурорскими работниками одной из столичных префектур... Короче, когда он кинул взгляд на календарь и увидел там сделанную утром запись: «д. Антон», – было уже около шести.

«Поздновато, конечно», – подумал Константин Дмитриевич. Он чувствовал себя как никогда усталым, сейчас бы домой, съесть чего-нибудь, посмотреть немного новости – и спать. Вот ведь до чего дошло! Весенний авитаминоз, что ли? Ехать ему никуда не хотелось. Но, может, и вправду самому не ездить, а послать к старику кого-нибудь... помоложе, поэнергичней? Ну, ради чего, с какой стати должен ехать он сам? Что он – дознаватель, оперативник? И потом, неизвестно еще, есть ли такая нужда на самом деле. А что, если это всего лишь причуда

стариковская – захотел дед пообщаться, вот и придумал себе ограбление... Всяко может быть, конечно. Но тогда тем более, как ни крути, а пока это его, Меркулова забота. Не прокуратуры, не ГорУВД, а его, Костика Меркулова, не того Константина Дмитриевича, который стал генералом от юриспруденции, а того, который когда-то обожал дядю Антона и всегда, если вспоминал о нем, то думал как о человеке, когда-то спасшем от страшной участи папу, а значит, и маму, и его самого. Дядя Антон был такой же полнокровной частью его жизни, как самые близкие Константину Дмитриевичу люди.

Нет, стыдно, стыдно, Константин Дмитриевич! Ты должен ехать сам, раз обещал. А чтобы все это не обернулось пустым визитом вежливости, надо взять с собой, естественно, Дениску – будем надеяться, что он сейчас сможет уделить немного своего драгоценного времени. Раскрутилось с их легкой руки частное детективное агентство «Глория» – любо-дорого!

Он клавишей вызвал секретаршу.

– Клавдия Сергеевна, там ко мне есть еще кто-нибудь?

– Да, Константин Дмитриевич, – бодро ответила та. – Вас ждут два товарища из... – Возникла пауза, Меркулов услышал в динамике еще чьи-то приглушенные голоса. – Вас ждут два товарища из Омска. Я им уже намекнула, что у нас заканчивается рабочий день, но они...

– Нет-нет, зачем же так? Я их обязательно приму, – живо откликнулся Меркулов. – Только попросите их зайти минуты через три-четыре, а меня соедините, пожалуйста, с младшим Грязновым... Да-да, «Глория», совершенно верно.

Денис, к счастью, оказался на месте. Он не удивился ни этому внезапному позднему звонку (а чему, собственно, тут удивляться?), не отказался (а с чего бы это ему отказываться?) подъехать вместе с ним к старику, и пока Константин Дмитриевич разговаривал с омичами, он уже добрался до ворот прокуратуры – чего там идти-то, от Неглинки до Дмитровки – каких-то пять минут.

Был самый пик движения, и пока они продирались через центр, водитель не выдержал, спросил у начальства:

– Может, сирену врубим, Константин Дмитриевич?

– Ну, сирена – это, пожалуй, чересчур. Да и не помню я что-то: мы с тобой имеем на нее право? А вот «маячок», пожалуй, можешь включить.

Но и с «маячком» ушло на дорогу минут сорок, так что когда они добрались наконец до Трифоновской, до старого сталинского дома, в котором жил Краснов, Денис знал уже в общих чертах все, о чем старый коллекционер поведал Меркулову.

Антон Григорьевич открыл им сам – пришлось ждать чуть ли не целую вечность. Первое, что испытал Меркулов, было изумление от того, как изменился некогда бравый человек за те годы, что они не виделись. Антон Григорьевич словно усох, стал меньше; признаки старения угадывались и в его пергаментной коже, и в редких волосах, и в словно подернутых мутью глазах, и, конечно же, в немощи, которую не могло скрыть ничто. Он поздоровался с гостями радушно, радостно, но сразу же, прямо на пороге начал показывать вмятины на филенке двери и косяке, демонстрировать замок – как он плохо работает, и это тоже было как-то по-стариковски суетливо, бестолково... как-то неправильно... Впрочем, Константин Дмитриевич и не думал ни сопротивляться этому, ни выказывать свое неудовольствие или удивление – ну что ж делать, значит, состарился человек, и надо воспринимать его таким, каков он есть. Денис же, словно не замечая ничего этого, внимательно рассматривал дверь и оставленные на ней следы – даже немного задержался у входа в квартиру, попросив хозяина подождать запереться.

– Я сам, с вашего позволения, закрою, хорошо?

Хозяин кивнул в ответ головой и усмехнулся.

– Какой обстоятельный молодой человек, – одобрительно сказал он, ведя Меркулова к вешалке.

– Вы что, приболели, Антон Григорьевич? – осторожно спросил Меркулов, раздеваясь и вдыхая атмосферу чужого жилья, в которой самыми сильными были специфические запахи лекарств. – У вас что-то серьезное?

– А! – отмахнулся хозяин. – Ревматизм, Костик. Замучил, проклятый. Но, кажется, уже выкарабкиваюсь. Вот все говорят, дрянь, мол, наша медицина, а я не жалуясь. Ко мне, знаешь, из нашей районной поликлиники сестрица одна ходит, укольчики делает... Думаю, скоро совсем поправлюсь... Ну, пойдем, пойдем в комнату. Что это я тебя тут держу... Молодой человек, вы скоро? Может, не откажетесь чайку выпить?

– Сейчас кончаю, – весело откликнулся Денис. – А за чай спасибо.

– Спасибо – «да» или спасибо – «нет»? – спросил старик, стоя на пороге.

– Спасибо, нет, – сказал Денис, снова и снова пробуя, как замок закрывается.

Меркулов от чая тоже отказался; поддерживая хозяина под локоть, ждал Дениса на пороге комнаты. Да, надо было раньше вспомнить про старика, подумал он. А цепкий его глаз, словно сам по себе, продолжал подмечать какие-то мелочи вокруг, работал. Например, он заметил, что в квартире чисто, прибрано, все вещи прочно занимают свои места – словом, нет и в помине традиционного холостяцкого беспорядка.

– Неужели сами убираетесь, дядя Антон? – продолжал он называть старика так, как звал его в детстве. – А у вас тут уютненько! И, между прочим, так уютненько, словно хозяйка в доме имеется! Есть такой грех, сознайтесь?

– Ой, да ну тебя, Костик! – отмахнулся тот. – С тех пор, как померла моя Ирина Анатольевна... Это у молодых одно на уме... А у нас, у стариков... как вовремя себе пару не нашел – так потом она вроде бы и не нужна... И у дам, заметь, точно так же! Зачем, мол, еще какая-то лишняя обуза! Хотя, вообще-то, профессиональное чутье тебя не обмануло: убирается у меня тут одна женщина, соседка. Она и за продуктами ходит, и вообще... Но только не то, что ты думаешь...

– Простите, Антон Григорьевич, перебыю. – Меркулов обернулся в коридор, позвал: – Денис, иди-ка сюда, это уже тебя касается... Антон Григорьевич, вы познакомьтесь как следует с этим вот рыжим хлопчиком – собственно, скорее всего, именно он будет расследовать ваше дело. Зовут его Денис Грязнов. Так что насчет соседки – это ему надо слышать. Обязательно.

– Да нет, Костик, ты не думай, соседка тут ни при чем!

– Все равно, порядок такой... Давай-ка, Денис, запиши себе или пометь, не знаю, как ты там обычно это делаешь... Значит, соседка... как ее?

– Зовут ее Мария Олеговна Никонова, знаю я ее сто лет, подозревать ее ни в чем не могу, и не надо, братцы, подталкивать меня это делать. – С этими словами хозяин решительно распахнул дверь в комнату. – Ты ведь прежде у меня никогда не бывал, Костя, – бросил он через плечо, наслаждаясь воцарившейся сзади изумленной тишиной.

Константин Дмитриевич просто замер на пороге, а Денис стоял и думал, что подобное чувство он испытал лишь однажды в жизни, когда только приехал из Барнаула, – впервые попав на станцию метро «Площадь Революции», где огромные бронзовые фигуры никак не хотят вписываться в тесные для них своды подземного зала. Огромная, занимающая полкомнаты кровать под балдахином, огромная батальная картина за ней... Впрочем, он тут же забыл об этих огромных нелепых вещах, попавших сюда из более просторного и богатого жилища, едва его взгляд, пройдясь по стене, упал на небольшую картинку, писанную гуашью на картоне – одну из двух или трех десятков других таких же – вроде бы непритязательных, развешанных по свободной от мебели стене без всяких рамок или паспарту. На этой картинке с бесподобной точностью и поэтичностью была изображена прекрасная голубая ночь на берегу какого-то зелено-голубого озера, разделенного сияющей лунной дорожкой на две части, словно теряющиеся в оглушающе безмолвных тенях вековых елей... Боже мой...

– Да это же Сомов! – вырвалось у него.

– Да, это Сомов, – гордо подтвердил старик. – А вы, молодой человек, я смотрю, кое-что понимаете, в отличие от многих из нас, судейских крыс... Я вам скажу: я эту науку постигал всю жизнь. Может, потому и собирателем в конце концов стал... Это Сомов. А вон там, чуть подальше – видите картон? – Серов. Этюдик к «Выезду на охоту». Кто-то гордится, имея большое полотно, а мне иногда эта картонка кажется дороже всего, что есть на Крымском валу. Вы знаете, вот на это чудо, на то, как Серов схватил первый снег на стоящей еще, еще всю зеленую траву, я могу смотреть каждый день и каждый день изумляться. И что самое удивительное – не надоедает! Смотрел бы и смотрел бы... Ты понимаешь, Костик – обратился он к Меркулову. – Ничего, что я так к тебе обращаюсь? – вдруг спохватился он. – Ведь ты теперь в таком высоком звании...

– Да ну, как вам не стыдно, дядя Антон! – укоризненно остановил его Меркулов. – Я для вас всегда буду Костиком, как вы для меня дядей Антоном... Даже если стану Генеральным или самим президентом... Хотя если честно, то теперь ни тем, ни тем более другим мне уже не стать.

– Это ты про сегодняшнюю отставку Бирюкова? – усмехнулся старик. – Ты не думай, что я совсем уж мхом порос, я телевизор-то смотрю да и газеты почитываю... Вот тебе и еще причина, почему я попросил тебя приехать... Не доверяю я, знаешь ли, ни временам нынешним, ни людям, прости уж меня, дурака старого...

Он вдруг побагровел, начал хватать воздух ртом, и Константину Дмитриевичу пришлось при помощи Дениса силой уложить его в постель, подсунув под спину несколько подушек. Однако этот приступ словно вернул хозяина к тому, зачем он пригласил к себе Меркулова.

– Ты уж не обессуди, Костик, что морочу тебе голову, – сказал он, отдышавшись. – Нет-нет, не перебивай, пожалуйста. Я же все понимаю – и что чин у тебя, и что мог бы я, конечно, в милицию обратиться... Но я тебе скажу, Костик, не хотелось бы, чтобы моей коллекцией занимались чужие, равнодушные люди, ты меня понимаешь? Это ведь все, что у меня есть. В ней, в этой коллекции, – он повел вокруг слабой рукой, – вся моя жизнь. Я знаю, коллекция неправильная – тут тебе и книги, и картинки, а еще у меня и эмали есть... Никто таким образом не собирает, а я собирал! Ты сам знаешь, наша профессия – она сухая, и тоже... неправильная... Да-да, поверь ветерану, знаю, что говорю. Или не всегда правильная, скажем так. Мы ведь чаще думаем о том, что должны, обязаны делать, а не о том, как лучше... Вот ты можешь сказать: «Зачем ему, то есть мне, такая нелепая кровать?» Не ты, так твой молодой человек скажет. Верно? Ну а поймете вы, если скажу, что отдал за нее в блокадном Питере две буханки ситного? Думаешь – мародерство? Да ни хрена подобного! Я тогда был мальчишкой и брал ее на дрова. И еще буханку переплатил, между прочим. Но зато спас тогда этой буханкой жену свою будущую и ее мать от голодной смерти... Молодой был, глупый... Какой ценой ее оценивать, эту кровать? Это еще пристойная история, а есть и такие, что никому не расскажешь, да и самого нет-нет да и проймет таким стыдом, что хоть засунь голову под подушку и никогда ее оттуда не высывай... Ну и что? Осудить меня проще всего... А я не хочу, чтоб судили, хочу, чтоб поняли... Впрочем, сейчас даже и этого не хочу... Сейчас меня больше всего, как это ни глупо, Дюрер волнует...

Он замолчал, устало упал на подушки. Именно что-то подобное Меркулов и подозревал, но имел ли он право судить старика? Он или кто-то другой? Вряд ли. Он был уверен: узнай он даже все до последних деталей, не смог бы осуждать Антона Григорьевича. Ну, не такой это был человек, чтобы совершить подлое, и все тут... Страсть коллекционирования – она по силе сродни всякому иному сильному чувству, и если человек не убивал и не воровал – люди за эту страсть готовы простить ему все. Меркулов вздохнул.

– Давайте все по порядку, Антон Григорьевич, – сказал он, – рассказывайте, что, собственно, случилось...

– Да я же тебе все уже рассказал... в общих чертах...

– Ну ничего, ничего, я еще раз послушаю. А главное – вот он слушает, Денис.

– Ну, что тут и рассказывать-то, не знаю. Обворовали. Судя по всему – ночью. Почему я так думаю – ну, что именно прошлой ночью? Кроме того, что были вскрыты замки, о чем говорит и состояние двери, есть еще одна вещь. Вот вы, Денис, подойдите поближе к тому вон красному шкафу. Поближе, поближе. Видите, на третьей сверху полке – дыра. А еще позавчера ее не было, да и быть не могло. И знаете почему? Потому что там стоял один их самых главных моих раритетов – двухтомник «История птиц Британии», иллюстрированный знаменитым Томасом Бьюиком...

– Ну-у, Антон Григорьевич... может, двухтомник просто кто-то переставил? Разве не может такого быть? Согласитесь, что тогда действительно остается только предполагать, что вас обокрал кто-то из своих...

– Ах, Костик, вот это больше всего меня и угнетает. Вот я сказал – Дюрер меня волнует. Да, конечно! Но не просто Дюрер, не картинки, не стоимость их – хотя она очень высока. А волнует меня то, что про этого Дюрера почти никто не знал, понимаете? Книжки брал тот, кто хорошо знал, что именно надо брать и где это находится. Иначе, согласитесь, здесь был бы полный раскардаш. Ну, представьте себе случайного вора в такой вот лавке ценностей...

Денис представил. Да, на рядовое ограбление это не было похоже. И потом, если действительно поставить себя на место вора, попавшего сюда на некоторое – довольно ограниченное – время впервые... на что бы упал его взгляд первым делом? Ну уж конечно не на книги!

– А что-нибудь еще пропало? – осторожно спросил Денис. – Картины, может, какие-нибудь ценности... Вот вы говорите, у вас эмали...

Лицо старика исказилось от страдания.

– В том-то и дело, что ничего больше, кроме книг! Но зато каких книг! Это такая для меня потеря! Знаменитая «О природе зла» Уильяма Кинга, «Левиафан» Гоббса... И еще одна – просто ужасная пропала, ужасная! Один из тех раритетов, которые во всем мире насчитываются единицами и состоят на особом учете как национальное достояние. Издание пятнадцатого века, так называемая альдина, если, конечно, вам это слово что-нибудь говорит.

Меркулов задумчиво потер подбородок, посмотрел на Дениса. Тот незаметно пожал плечами.

– Признаюсь честно, Антон Григорьевич, – сказал Меркулов, – тут я полный профан. Пробка! Может, вот Денис побольше знает, он все-таки помоложе...

– Я? – встрепенулся Денис. – Я тоже, кажется, не совсем в теме...

– Ах, это неважно, неважно, – отмахнулся хозяин. – Жил в средневековой Венеции такой Альд Мануций... Поверьте мне на слово: альдина – это ужасная ценность. И знаете, что характерно? Она настолько уникальна, что в какой-нибудь там букинистический ее не понесешь ни в коем случае. Для того чтобы ее сбить, так же, впрочем, как и для того, чтобы затеять специально ее кражу, должны приложить руку специалисты очень высокого класса. Хотя... наверно, пока я пребываю в своем нынешнем состоянии, отсюда можно вынести все, что угодно... Я ведь все время как бы в забыты, Костя. Это вот только сейчас, когда вы пришли, я немножко ожил. Какую-то сильную чертовщину мне прописали... Я другой раз, Костя, и заговариваться начинаю, честное слово. Говорю чего-то, говорю, а потом смотрю – вроде как не туда заехал. Раньше со мной такого не было...

– Это что – как раз после тех уколов, которые вам делает медсестра? – вдруг заинтересовался Денис.

И мгновенно уловив направленность этого интереса, Антон Григорьевич замахал руками.

– Это вы бросьте, молодой человек. Поверьте мне, и ты, Костя, поверь, сестра тут ни при чем. Аллочка – прелестная девушка, к тому же она у меня в доме уже не раз бывала, и ничего такого за ней не замечалось. И потом, согласитесь, легче предположить, что молодая женщина соблазнится скорее золотом, камешками, а у меня после жены и этого добра хватает, теми

же эмалями, наконец, но уж никак не всей этой пыльной рухлядью. – Последние слова были сказаны громко, в сторону шкафов. И тут же хозяин заговорщически пояснил гостям: – Это я их так не всерьез, конечно. Это примета такая: поругай вещь, чтобы больше не пропадала...

Денис увидел, как по щекам старика вдруг скатились две слезинки. Эх, развезло деда, подумал он. Не поехала бы у него крыша на почве всех этих неприятностей...

– Ну, ничего, ничего, Антон Григорьевич, найдем мы ваши книги, – сказал Меркулов, стараясь, чтобы это прозвучало как можно увереннее. – И про птиц, и эту... альдину вашу...

– Я ведь как думал? Соберу все это, – хозяин повел слабой рукой вокруг, – а потом, когда кончу работать и заживу без забот пенсионерской жизнью, буду любоваться картинками, читать книги, разглядывать в них старинные гравюры. А оказалось... Оказалась какая-то чепуха. Начать с того, что, как выяснилось, без забот как бы нету и самой жизни, и вместо того, чтобы радоваться безделью, ты вдруг начинаешь тяготиться тем, что почему-то становишься для всех обузой... Вот теперь и тебе, Костя, на шею повесился...

– Прекратите сейчас же, Антон Григорьевич, если не хотите, чтобы я на вас обиделся. Вы ведь профессионал, так что давайте-ка лучше помогайте нам в расследовании...

Эта деликатная резкость подействовала. Услышав, что он все еще профессионал, старик, словно конь при звуке трубы, воспрял духом.

– Ладно, прости дурака старого. Спрашивайте, что вы хотели.

Меркулов повернулся к Денису:

– Давай, сыщик, действуй. Расспросы – это по твоей части.

Денис не стал ждать повторного предложения.

– Кто еще вхож в вашу квартиру, Антон Григорьевич, кроме медсестры? Кстати, давайте-ка я запишу, как ее зовут...

– Ухтомская Алла. Отчества не знаю. Я почти ничего про нее не знаю, но это легко установить: она из нашей районной поликлиники, процедурная сестра... Ну, кто еще... Еще женщина, о которой я вам говорил, та, что помогает мне по хозяйству. Зовут ее Мария Олеговна Никонова, соседка моя, в смежной квартире живет, вот там, через стенку. У нее ключи от квартиры – я настоял, чтобы у Маши были ключи и она всегда могла бы оказаться рядом. Часто здесь бывает также ее дочка, Мариша. Она журналистка, служит в редакции, так что если и заглядывает ко мне, то либо вечером, после работы, либо в выходные... Ну, изредка заходит меня проведать единственный мой племянник Ярик, Ярослав Завьялов, сын моей покойной сестры Капитолины. Они с мужем Мишей оба погибли в автокатастрофе. Когда это случилось, Ярику было шестнадцать, он для меня как сын... Вот ты снова на меня так пытливо смотришь, что я опять же сразу должен тебе сказать: нет. Не мог Ярик взять книжки, даже если бы и заглядывал сюда в последнее время... Ты бы его видел – сам бы сразу все понял: где Ярослав, а где книги. Ну не интересуют они человека! К сожалению, конечно. Но зато он у меня по компьютерам дока. Живет мальчик вполне самостоятельной жизнью, и я это вполне одобрял бы, если бы он меня проведывал почаще. Бывает, по полгода нету. Я уж радуюсь даже, когда он вдруг начинает на что-нибудь деньги у меня просить. Тут уж, когда ему деньги нужны, он у меня чуть ли не каждый день появляется. Последний раз все приставал ко мне с какой-то компьютерной железкой. По мне, так я бы за эту штуку и десятки не дал, а он аж весь трясся: «Ну выручи, дядя Тоша, задаром отдают, всего за двести долларов!» Как в Америке живем, честное слово, сплошные доллары кругом. Ну решил я ему эти двести долларов дать, как раз выгодно одну книжку обменял, с доплатой. Только хотел сюрприз Ярославке сделать, как маленькому: он придет, а я его и ошарашу. Как раз позавчера позвонил ему, сказал, чтобы подъехал проведать – что ж ты, мол, старика совсем забыл. Ну и ждал его, даже Марину предупредил, она вместо матери как раз дежурила около меня: придет, мол, Ярик, так чтобы она его обязательно впустила, а меня, если сплю – чтобы обязательно разбудила. Но все равно, он так и не соизволил меня осчастливить, поганец такой...

– Значит, ваших посетителей впускает к вам Марина, правильно я понял? – уточнил Денис.

– Ну, вообще-то их впускает Мария Олеговна. А позавчера, поскольку Марии Олеговны не было, должна была впускать Марина... А только он, как я уже сказал, все равно так и не пришел. Но я и тому уж рад, что хоть слышал его голос, а то мы месяцами не видим друг друга и не разговариваем. Что ж, говорю, не позвонишь дядьке? А он мне знаете что отвечает? У нас, говорит, у компьютерщиков, дядя Антон, времени нет. В Интернете сидим! Врет, поди, девки небось на уме. Сейчас такие девки – у-у! Это я к тому, что насчет женского пола Ярик – может, а вот насчет книг... Нет, не могу даже предположить!

Денис только усмехнулся про себя – надо же, что значит человек другой эпохи – верит в людей, и все тут. Эка важность – родственник, племянник. Да по нынешним временам, бывает, и мать родную такой вот Ярик не щадит...

– Ну хорошо, – сказал он. – А коллекционеры, библиофилы или как их там, журналисты, наконец – разве они не бывают? Ведь, я полагаю, о вашей коллекции известно многим людям. Тем более при ее необычности...

– Ну, насчет «многим» – это вы, безусловно, преувеличиваете. Кое-кто из специалистов знает, но это очень узкий круг... Сам я никогда свою коллекцию не рекламировал, так что... Разве что вот в связи с рисунками из Кунстхалле кое-кто в последнее время ко мне обращался, но это было уже несколько месяцев назад... Я ведь вообще нелюдим, а тут еще эта проклятушая болезнь, будь она неладна...

– Значит, пока и этот вариант отпадает, – констатировал Меркулов. – Хотя я бы на месте человека, который займется этим исследованием, изучил бы обязательно список ваших коллег по собирательству и всех интересующихся предметом – ну, естественно, тех, кто на вас выходил... А то видите, Антон Григорьевич, как у нас с вами получается: книжки пропали, а даже согрешить не на кого – все у вас честнейшие люди. Всех, кто у вас бывает, перебрали, никого не забыли?

– Всех. Но я думаю потому и толку пока нет, что это кто-то чужой. Другой кто-то, Костик, не из тех, на кого подозрение сразу падает.

– Ну, а разве свой не мог, по-вашему, выступить, скажем, наводчиком? Может быть, даже не со зла, по какой-либо иной причине, а то и вовсе случайно? И такое ведь в нашей практике бывает...

– Ну, если только случайно, – сказал Антон Григорьевич, с интересом наблюдая, как в этот самый момент Меркулов выуживает из внутреннего кармана пиджака неожиданно затревоженный мобильник. – Ладно, Костик, – решительно оборвал он себя. – Я все понял – вам торопиться надо. Это мне, дураку старому, делать нечего... совсем вас заболтал...

Но Денис, бросив беглый взгляд на часы, проигнорировал эту деликатную готовность к прощанию.

– А скажите, пожалуйста, Антон Григорьевич... Ведь эта Марина – еще молодая женщина, верно? Она замужем?

– Была замужем, да не сложилось у них как-то. Ухажеры у нее, конечно, есть, как не быть. А вот с мужем – лет семь как не живет...

– А он здесь не бывает?

– Да-авно не было! Я же говорю, надо искать совсем кого-то чужого...

И все же он не удовлетворил любознательность Дениса.

– Ну а сейчас, – спросил он, – сейчас у нее есть молодой человек?

– Сейчас? – побряхтел, вспоминая, Антон Григорьевич. – Кажется, был какой-то... что-то я слышал от Маши краем уха. Но этот-то уж точно совсем здесь ни при чем.

– Дядь Кость, – наклонился Денис к самому уху Меркулова, – а давайте я к соседкам этим прямо сейчас и загляну, а? Вы меня не ждите, наверно, сам доберусь. А если что новое

выяснится – я, может, вам сегодня же и перезвоню, ладно? – Меркулов молча кивнул в знак согласия, и Денис повернулся к хозяину квартиры: – Антон Григорьевич, я должен сейчас бежать, но завтра я у вас снова буду, хорошо? Когда мне лучше зайти, чтобы не нарушить ваш распорядок?

– Какой там распорядок! Заходите, Денис, когда сочтете нужным!

– Да, вот еще что, – сказал Денис, уже совсем было распрощавшись. – Если к вам придет кто-то от меня, он скажет: от Петра Николаевича Шишкина. Запомните, Антон Григорьевич?

– Про славянский шкаф не спросит? – хихикнул старик. – От Петра Николаевича Шишкина. Хорошо... – сказал Меркулову, когда за Денисом захлопнулась дверь: – Ишь какой у тебя Штирлиц. Симпатичный!

– Да-да, конечно, – машинально кивнул Меркулов, уже думавший о чем-то своем, генеральском. – Эх, дядя Антон, дорогой, увы, единственное, чем я могу пока помочь, – это вот он, Денис. Парень он замечательный, и сыщик толковый. Ну и мой молодой друг, если так можно сказать. По делу будете иметь контакт с ним, если надо – он и на меня выйдет, и милицию задействует... А вы, дядя Антон, вы позванивайте мне просто так, а? Совсем не обязательно ждать экстренного случая.

– Позвонить-то я позвоню, спасибо тебе, Костик, да вот найдется ли у тебя время на такую старую рухлядь...

– Ну как вам не стыдно, Антон Григорьевич!

– Да какой уж там стыд! Конечно, мне бы лестно было, да разве ж я не понимаю, какая у тебя хлопотная жизнь! Мы газетки-то небось тоже почитываем, не совсем от жизни оторвались, Костенька... Поможешь – помру с доброй о тебе памятью. Ты даже не представляешь, как я рад тебя видеть!... Может, все-таки чайку сгоношим?

– Да нет, дядя Антон, спасибо! И вас затруднять не хочется, и жена обидится, если без аппетита домой заявлюсь. А, вот о чем бы я хотел вас попросить, дядя Антон... Ну, по крайней мере, чтобы не было лишних разговоров. Этот Денис – он сыщик отличный, и ребята у него работают отличные, но вот что касается книг – тут, я думаю, вы должны их подковать, ведь очень может статься, что им придется разговаривать и с продавцами, то бишь перекупщиками, и с другими собирателями. Так что постарайтесь уж, чтобы наш сыщик не попал впросак.

– Охотно поделюсь с твоими сотрудниками всем, что знаю про книги.

– Ну, тут я должен вас огорчить: они вовсе не мои сотрудники, они частные сыщики.

– И этот твой Денис?

– И он тоже. Но это ничего не значит – сыщик он хоть и молодой, но отличный. Да к тому же племянник начальника МУРа.

Антон Григорьевич весело рассмеялся – впервые, как сам сказал потом, за последние полгода.

– Какой же он частный сыщик при таком-то дяде! Дядя ведь, поди, генерал-майор милиции, не меньше?

– Верно. И мой давний друг. Так что МУР на нашей стороне.

– Отлично, отлично. – Краснов от удовольствия даже потер руки. – Вот видишь, как все меняется. Десяток-другой лет, и такая старая развалина, как я, за стенами своего дома уже ничего и узнать не сможет. Надо же – в России частный сыск!

– Да, теперь у нас вот так, – сказал Меркулов, решительно вставая. – Завтра, Антон Григорьевич, еще надо будет составить для нашего молодого друга список всех тех лиц, что посещали вашу квартиру в последние, скажем, три месяца. И, пожалуйста, особо выделите в этом списке тех, кто занимается книгами. Вспомнить надо будет всех, даже случайных визитеров, вроде какого-нибудь сантехника...

– Все сделаю, Костик, ты не думай, что раз я такая развалина...

– Ну вот и отлично, дядя Антон. Найдем мы вашего обидчика.

– Да уж пожалуйста, – еще раз попросил старик на прощание.

Он даже порывался встать, чтобы проводить Меркулова до двери, но Константин Дмитриевич решительно воспротивился. Уходя, он еще раз посмотрел на помятый косяк, на замки и старательно захлопнул за собой дверь, чтобы защелкнулся английский замок. Замок был такой хлипкий – хоть не уходи, сторожи тут старика вместе с его сокровищами...

– Давай домой, – сказал он заждавшемуся водителю, откидываясь на спинку сиденья.

Все, рабочая неделя кончилась, ибо сегодня была пятница...

Денис звонил в соседскую дверь, все более укрепляясь в ощущении, что вот сейчас все и прояснится: не было никакой кражи, а книги случайно оказались там-то и там-то... Словом, он пока не верил в серьезность стоящей перед ним задачи и делал свое дело, словно по обязанности. Но, конечно, об этом совсем ни к чему было знать той женщине, которая вышла на его звонок, громко крикнув через дверь: «Это ты, Коля? Подожди минуточку, сейчас открою!»

Дверь распахнулась, и он увидел симпатичную немолодую хозяйку квартиры; с лица ее при виде незнакомого человека сползла радушная улыбка, сменилась тревожно-вопросительным выражением.

– Здравствуйте, – как можно шире улыбнулся ей Денис. Не было еще случая, чтобы эта улыбка не подействовала. – Вы – Мария Олеговна, угадал?

– Да, – сказала женщина. – Вы к кому? Ко мне?

Денис подумал, что она, наверно, была в молодости очень привлекательна, если даже и сейчас сохраняла редкую миловидность. И еще подумал почему-то, что такая женщина вряд ли способна на кражу.

– Я, Мария Олеговна, прямиком от вашего соседа, от Антона Григорьевича. Я следовательно, вот мои документы. – С этими словами Денис полез в карман за удостоверением, но Мария Олеговна остановила его:

– Не надо, я вам верю. Что вы хотели?

– Я? – Денис на секунду задумался. – Мне надо с вами немного поговорить.

– Со мной?

– С вами, с вашей дочерью...

– Ну что ж, тогда проходите, – пригласила Мария Олеговна и добавила: – Дочка сейчас в ванной, но скоро выйдет.

– Вот видите, сколько от меня неудобств, – сказал Денис, проходя в уютную кухоньку. – Так поздно беспокою, врываюсь в вашу жизнь...

У него было мелькнула мысль достать диктофон, выставить его перед собой, но, еще раз оценив обстановку, он решил, что пока, пожалуй, обойдется без него – диктофон, да даже и простой блокнот с ручкой по-разному действуют на психику. Просто так человек говорить согласен, а под запись – ни в какую.

– Ну, так что вы хотели у меня спросить? – Мария Олеговна, поставив на огонь чайник, села напротив него.

Вот так они, наверно, сидят с дочкой вечерами. Две одинокие женщины по разным сторонам обеденного стола.

– Вы вдвоем живете? – уточнил он на всякий случай.

– Вдвоем, – ответила Мария Олеговна. – Простите, как вас величать?

– А зовите просто Денисом, я не обижусь.

– Нет, это неправильно. Надо бы по имени-отчеству...

– Да ну, молодой еще для отчества! – засмеялся Денис.

– Ну, хорошо. Так вот, Денис, Марина моя – незамужняя, то есть разведенная. А отца ее давно уже нет на свете...

Она отвечала так охотно и обстоятельно, будто и это было частью ее гостеприимства, и Денис подумал не без удовольствия, что так, глядишь, он довольно быстро выяснит все, что ему

нужно. Конечно, самое простое было бы спросить ее в лоб: Мария, мол, Олеговна, вы не брали книжки у Антона Григорьевича? Но, во-первых, так спросить у него сейчас вряд ли повернулся бы язык, а во-вторых, он даже не знает – известно ли ей что-нибудь вообще. Он ляпнет и тем самым лишь проинформирует ее. А это не есть хорошо... И он избрал дипломатичный, как ему показалось, ход. Он спросил:

– Скажите, Мария Олеговна, вам известно что-нибудь о той пропаже, которая на днях случилась у Антона Григорьевича?

Хозяйка задумалась.

– Вообще-то Антон Григорьевич посвятил меня... Больше того, по его просьбе я все перерыла в квартире. Нету нигде книжек, о которых он говорит. Но вот насчет того, что они похищены... Как-то я не могу в это поверить. Ну посудите сами: Антон Григорьевич уже, наверно, полгода из дома не выходит, к нему, почитай, никто не заглядывает, во всяком случае, чужих у него не бывает. Медсестра разве, но я на нее и подумать не могу...

– И при всем том книжки все же пропали. Или вы иного мнения?

– Не знаю... Хотя книжек нету, это верно. Просто чертовщина какая-то. Вы что – на нас с Мариной думаете, да? Поэтому пришли?

– Да что вы, Мария Олеговна! Я вовсе так не думаю. Я просто хочу узнать подробности. Может, и нападку на след... Вот скажите, не могло ли получиться, например, что дочь ваша... Что Марина просто взяла, скажем, эти книжки для работы и не знает, что их ищут?

Мария Олеговна обожгла его обиженным взглядом:

– Мы так и думали, что нас подозревать будут... Вернее, я не думала, а Марина так сразу и сказала: «Ну, теперь мы с тобой первые подозреваемые!» Я говорю – почему? А потому, говорит, мама, что настоящего-то преступника еще найти надо, а мы рядом. Я с ней не соглашалась, я ей все говорила: как же на нас подумают, если мы с Антоном Григорьевичем бок о бок целую жизнь прожили, как родные стали? А выходит, она действительно угадала, дочка-то!

– Ох, Мария Олеговна! – принужденно засмеялся Денис. – Как вы это ловко все перевернули! Да я же вас совсем про другое спросил-то!

– Как же про другое, – не хотела соглашаться женщина, – когда про это самое! Я ведь правду говорю: Антон Григорьевич – он нам как родной, и мне, и Маринке моей. Он в ней, в маленькой, души не чаял. У них с Ириной Анатольевной своих-то детей не было, вот Антон Григорьевич Маришку мою и приучил сызмальства этими книжками своими любоваться. Да она про каждую книжку историю знает не хуже самого Антона Григорьевича! Только зря я вам, наверно, все это говорю, вы ведь все равно мне, поди, не верите... Ну хотите – проверьте сами, сделайте у нас обыск. Пожалуйста!

– Ну что вы, право, Мария Олеговна! – сказал Денис, понимая, что не сдвинется в расследовании с места, если не переломит сейчас разговор. – Какой там обыск! Еще раз говорю: я и не думал вас подозревать, я просто ищу, что называется, концы... Я верю, что вы не брали книги, но ведь кто-то их все же похитил, верно? Вот я и хочу найти пропажу, вернуть ее владельцу. Я, может быть, не буду даже затевать никакого уголовного преследования, тем более что Антон Григорьевич категорически против огласки. Поэтому я и спрашиваю: нет ли у вас каких-то своих соображений на этот счет? Может, вы замечали в последнее время что-то необычное или подозрительное? И вот что еще... Антон Григорьевич считает, что кража произошла позавчера, когда вы долго отсутствовали, а вас в качестве сиделки при больном заменила Марина...

Он осекся, заметив, как при последних словах снова обиженно дрогнула нижняя губа Марии Олеговны, и мысленно выругал себя. Если так дальше пойдет – никакие, даже самые обаятельные улыбки его не выручат...

– Нет-нет, – заторопился он, – нет-нет, Мария Олеговна, эти мои слова ни в коей мере не означают, что подозрение падает на Марину! Я вот о чем конкретно хочу спросить: кто закрывал в тот вечер дверь у Антона Григорьевича? Может быть, просто нижний замок был

не до конца закрыт, что и позволило вору легко проникнуть внутрь? Я сейчас все осмотрел и должен вам сказать со всей ответственностью: замок хоть и проблемный, что называется, но если бы он был закрыт на два оборота – фомкой дверь бы не вскрыть! Ворам пришлось бы замок просто вырезать!

Мария Олеговна было задумалась, но тут откуда-то из глубин квартиры до них долетел второй женский голос – молодой, энергичный.

– Мама, кто приходил? Не Коля?

– Да нет, Мариша. Это следователь!

– Следователь, – удивленно протянула Марина, появляясь на пороге кухни в банном махровом халате и с завязанным тюрбаном полотенцем на мокрой голове.

Денис невольно встал, поклонился ей – он почему-то думал, слыша ее голос, что она совсем еще молодая девушка, а увидел зрелую красивую женщину лет тридцати пяти. «Хороша тетя», – успел подумать Денис про себя, сразу поняв, что она – старше и вряд ли у них что-нибудь будет. А жаль.

– Он что – по поводу... происшествия у Антона Григорьевича? – довольно сурово спросила дочь у матери. – И подозревает, конечно, нас с тобой, я права? Шьет, как у них говорится, дело?

– Ну зачем ты так, Марина! – не очень уверенно сказала мать. – Это ведь у человека работа такая...

Но Марина этот довод не приняла.

– Какая – такая? Невинным людям нервы трепать? Документ у вас какой-нибудь есть, подтверждающий вашу личность? Если нет – вон бог, а вон там у нас порог!

Мария Олеговна от смущения даже пошла румянцем, чем лишней раз вызвала симпатию Дениса. Он полез в карман, достал удостоверение, протянул Марине. Она его обстоятельно изучила, игнорируя укоризненные взгляды матери.

– Я не поняла, – сказала она наконец, – вы что... Денис Андреевич, частный сыщик, что ли? Никогда про такую ерунду не слышала. – Она полупрезрительно вернула ему ледериную книжечку. – Ну и что вам, собственно, угодно и по какому такому случаю вы вторгаетесь в нашу личную жизнь без всякого на то, в общем-то, права?

Вот и проявляй энтузиазм, желая помочь человеку! Задела-таки за живое.

– Ни в чью личную жизнь вторгаться у меня намерений не было. А у вас я нахожусь, если угодно, по просьбе Антона Григорьевича. Он убит кражей, и я всего-навсего намерен найти книги. Не хотите помогать – ваше право. Я не могу сделать у вас обыск, не могу проводить какие-то другие следственные мероприятия. Не имею права. Поэтому я и хочу сделать то, что могу – всего лишь поговорить с вами, кое-что уяснить для себя. Неужели вы откажете мне в такой малости?

Марина посмотрела на него с недоверием, но чувствовалось, что доводы Дениса производят на нее впечатление.

– Ну что же, спрашивайте, – немного смягчилась она.

– Меня интересует несколько вещей, я о них в ваше отсутствие уже спрашивал у Марии Олеговны, а теперь вот спрошу и у вас: не заметили ли вы чего-нибудь необычного в последние дни, не подозреваете ли вы кого-нибудь сами? И еще один, совершенно конкретный вопрос: кто закрывал на ночь дверь в квартиру Краснова позавчера, когда, по его предположениям, произошла кража и когда вместо матери дежурили вы? Или, если хотите, кто уходил из квартиры последним, оставив Антона Григорьевича одного?

Марина, пахнувшая после ванны чем-то чрезвычайно приятным (шампунем, что ли?), села за стол, отчего все вокруг сразу начало казаться Денису каким-то совсем другим, удивительно гостеприимным.

– Мама, – сказала она вдруг, улыбнувшись ему, – а что же ты не угостишь Дениса Андреевича чаем? Чайник у тебя хоть горячий? – Она потянулась к плите, но мать остановила ее:

– Ты разговаривай, разговаривай с человеком, я сама все сделаю!

– Хорошо, – сказала Марина деловито, но все с той же, обращенной к нему улыбкой. – Продолжаем нашу беседу, как говаривал товарищ Карлсон. Значит, насчет того, не замечала ли я чего-нибудь подозрительного... Я меньше, чем мама, бываю у Антона Григорьевича, так что сестру, которая ходит делать ему уколы, я позавчера видела первый раз. И знаете, мне показалось, что она совсем не тот человек, за которого себя выдает. Как-то очень много говорит о своих медицинских знаниях и о том, что у дяди Антона болезнь неопасная. Какая-то тут, знаете ли, нестыковка. Она действительно подкована в медицине, как врач, а говорит ерунду, потому что сердечный ревматизм – болезнь опасная и даже очень...

– Но, может, она просто хочет таким образом успокоить больного? – не понял этого сомнения Денис.

– Ну, как хотите, – тут же отрезала Марина. – Вы спросили – я ответила. Не все можно определить словами, сами знаете. А у меня ощущение такое, будто она втирается дяде Антону в доверие. И уколы делает какие-то странные – не приносят они дяде Антону облегчения, мне даже кажется, что от них у него только сонливость, и ничего больше... Может, так оно и должно быть с медицинской точки зрения, но если кого и можно было бы подозревать в краже, то в первую очередь – ее, уж очень явно у нее что-то свое на уме. Я говорю: можно бы подозревать, потому что подозревать эту самую сестру не в чем. Позавчера я самолично присутствовала в квартире все то время, что Алла провела у Антона Григорьевича...

Конечно, все это могла быть порождено самой обычной мнительностью или желанием как-то угодить следователю, но Денис подумал, что подозрения Марины не лишены и своего резона. Как бы то ни было, он и без того планировал проверить медсестру Ухтомскую и уточнить характер инъекций, которые она делала старику книголюбу.

– На первые два ваших вопроса я, кажется, ответила, – продолжила между тем Марина. – Теперь насчет двери. Между прочим, нижний замок, врезной, вышел из строя, когда еще работала сигнализация. Однажды Антон Григорьевич вроде по забывчивости не снял квартиру с охраны, и подоспевшая по сигналу на пульте милиция выломала у него замки. После чего он договор охраны больше не возобновлял, хотя замки сменить с тех пор так и не удосужился... Значит, вы интересуетесь, кто в тот день закрывал квартиру на ночь, да?... Ну кто же – мама ее и закрывала.

– Подожди, подожди, Мариша! – замерла вдруг Мария Олеговна с чашками в руках. – Это ведь во сколько было-то? Это ж совсем поздно уже было, разве ты не помнишь?

– Но вы же говорите, что отсутствовали! Вы уходили, а дежурила за вас Марина...

– Ну правильно, дежурила, – кивнула Мария Олеговна. – У меня позавчера такой день выдался – знаете, надо было в собес зайти за справкой... Хотя откуда ж вам знать! Собес – это могила стариковского времени. И надо-то ерунду какую-нибудь, а в очереди сидеть приходится целый день. И хорошо еще, если сидеть! Ну и вот, вернулась я уже, наверное, часов в семь и, конечно, первым делом зашла к Антону Григорьевичу, чтобы Марину отпустить. К Антону Григорьевичу заглянула – он спит после укола, а тебя, – она повернулась к дочери, – нету. Я даже подумала, уж не случилось ли чего, разволновалась, честное слово! Квартира-то, считай, открытая стоит! Я замок закрыла – и к себе домой. А там ты – сидишь себе, пописываешь спокойненько... Помнишь, я тебя даже отругала, что ты ушла и оставила дверь на одном замке? ...

– Ну конечно, почему ж не помнить! У меня работа в тот день срочная была, я думала у Антона Григорьевича поработать, а там этот урод приперся, Ярик...

– Ярик – это Антона Григорьевича племянник, – пояснила Мария Олеговна. – Ну какой же он урод, не надо так, Марина. Нормальный парень, студент, что уж ты его так невзлюбила...

– Подождите, подождите! – Денис даже руки вверх поднял, чтобы остановить словоохотливую женщину. – Давайте-ка все по порядку. Во-первых, когда это было? Ну, что к Краснову приходил племянник Ярослав?

– Как – когда? – удивилась Марина. – Мы же вам и рассказываем: как раз позавчера это все и было! У меня срочный материал в номер, а тут он. А я его, знаете, на дух не переносу. Ну, я и пошла к себе. Пересажу, думаю, поработаю пока...

– Нет, но он точно был у Антона Григорьевича? – Денис никак не мог поверить своим ушам. – Антон Григорьевич не далее как сегодня сказал, что Ярослав у него не был уже давно, что как раз позавчера он обещал приехать, проведать старика, но так и не приехал...

Теперь пришла очередь Марины смотреть на него с изумлением.

– Вы что, хотите сказать, что это он украл?

– Да упаси боже! – отмахнулся Денис. – Что вы все из меня какого-то обвинителя делаете! Почему я должен подозревать этого Ярослава, если я его даже в глаза никогда не видел?! Просто вы, спасибо вам, пролили свет на то обстоятельство, что Ярослав позавчера побывал в квартире Антона Григорьевича и провел в ней какое-то время. Вот теперь бы еще уточнить, какое именно...

– Ну, я точно сказать не могу. Он пришел – я тут же ушла в свою квартиру. Это было, это было... часов около семи... И, уходя, попросила его: после того, как он пообщается с дядей, пусть захлопнет дверь как следует и поставит меня в известность, что уходит.

– Он заглянул, поставил вас в известность?

– Нет. Поэтому я и не знаю, когда он ушел...

– А Антон Григорьевич – он что, спал, когда вы уходили?

– Думаю, что нет, иначе я бы просто так Ярослава одного там не оставила. Я вообще-то ему не доверяю...

– Марина! – снова укорила ее мать.

– Ну что – Марина, Марина! Ты посмотри на него!...

– Ну и все равно, – не согласилась Мария Олеговна. – Ярик не может украсть. Он из хорошей семьи мальчик, а потом Антон Григорьевич его на ноги поднял, когда у него родители погибли, квартиру ему даже купил... Должна же у него быть хоть какая-то благодарность...

Денис уже не слышал, что она говорила: голова работала сама по себе, как бы независимо от его воли. Но нужно было, пока не поздно, уточнять, уточнять детали.

– Скажите, Марина, – он даже не заметил, что прервал длинный монолог Марии Олеговны, – я все же не понял: спал Антон Григорьевич, когда вы уходили, или нет?

– Не знаю, – сокрушенно сказала Марина. – Я с ним разговаривала незадолго до прихода Ярослава. А когда он заявился, я к Антону Григорьевичу больше не заглядывала. Что говорила ему что-то через дверь – помню, а вот отвечал ли он мне... хоть убей!

– Хорошо, пусть так. Значит, вы захлопнули дверь на верхний замок и ушли к себе, попросив на прощание Ярослава заглянуть к вам, когда он будет уходить. И он не заглянул. Так?

– Да, все так, совершенно верно.

– Не заглянул, и потому вы не знаете, когда он ушел и сколько времени один пробыл в квартире... Я говорю один, потому что, раз Антон Григорьевич племянника не видел, значит, он в это время наверняка спал... Теперь вы, Мария Олеговна. Вы пришли примерно в семь часов, обнаружили, что дверь на одном – верхнем замке, и это дало вам основание считать, что квартира под присмотром Марины. Войдя в квартиру, вы не обнаружили Марины, а Антона Григорьевича нашли спящим. Вы закрыли дверь и на нижний замок тоже и пошли искать дочь. Верно? И еще вы говорили, что разволновались, не найдя дочь и вдруг сообразив, что дверь в квартиру Антона Григорьевича фактически до вашего прихода была открытой, верно?

– Да-да, совершенно верно, именно так все и было!

– Мария Олеговна, а вы можете вспомнить, на сколько оборотов вы закрывали в тот вечер нижний замок? На один, на два? Вы собирались еще вернуться туда, когда делали это?

– Конечно, насчет оборотов я точно не помню. Но скорее всего на один, поскольку еще собиралась сходить к Антону...

– А сходили?

– Нет. У нас в тот вечер, знаете, были гости, и когда я вспомнила – было уже поздно. Я решила не тревожить Антона Григорьевича. Я подумала: если ему что-нибудь понадобится, он позвонит по телефону, мы всегда так делаем... А про замок... наверно, забыла...

– А что за гости? – осторожно спросил Денис.

– Ну, уж это точно к делу никак не относится, господин сыщик! – предупредила ответ матери Марина.

– Ну вот, – Денис пожал плечами, – вроде мы договорились о какой-то доверительности, а теперь все сначала...

– А вам прямо обязательно надо влезть в личную жизнь! – усмехнулась Марина. – Ну, если уж вы без этого не можете – у меня в тот вечер был жених. Точнее, как теперь говорят, бойфренд.

– Его зовут Николай, да? – простодушно спросил Денис.

Марина неприязненно посмотрела сначала на него, потом на мать:

– Ну, что я говорила? Будет лезть всюду, куда надо и куда не надо. Зачем ты ему, мама, такие подробности-то выкладываешь?

Мать, снова отмахнулась:

– Ах, оставь, пожалуйста, Мариша, ничего я никому не рассказывала. Хотя вот ему, Денису, доверяю. Не обижайся на меня, но, сдастся мне, случись что – никто нам, кроме него, и не поможет...

Когда Денис наконец распрощался с соседками Краснова, шел уже одиннадцатый час. Уходя, он все же не удержался, спросил у Марины в прихожей – она стояла, ждала, когда можно будет закрыть за ним дверь:

– А скажите, Марина, этот ваш бойфренд, он позавчера поздно от вас ушел?

– А он вообще не уходил, – с вызовом ответила Марина. – Он ночевать остался. Что вас еще интересует? Спала ли я с ним? Ух, как жалко, что вы с ним не встретились! А то бы спросили об этом прямо у него. Хотела бы я посмотреть, что стало бы после этого с вашей физиономией. Он должен был и сегодня ко мне заглянуть, да вот что-то нет пока...

Она сняла свой тюрбан и теперь, в ореоле чистых, пушистых волос, была чудо как хороша, о чем, наверно, знала сама не хуже Дениса.

– А как его фамилия, вы не скажете? – спросил он.

– Ну уж, знаете, Денис Андреевич, это самое настоящее хамство! – резко сказала Марина, захлопывая за ним дверь.

– Извините, – буркнул Денис этой двери.

Площадкой ниже, где то ли была вывернута, то ли перегорела лампочка, его остановил чей-то низкий угрюмый голос:

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.